

Николай Корсаков

Панорама

Роман с тайнами

16+

Николай Корсаков
Панорама. Роман с тайнами

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Корсаков Н. Ф.

Панорама. Роман с тайнами / Н. Ф. Корсаков — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-05008-2

Жрецы Древнего Египта не могли разъяснить тайны мироздания полудиким народам Египта. Мы и сейчас пользуемся крохами древних знаний, неправильно понимаемых нами. На протяжении всей своей истории люди находили выход из кризисов в войнах. Победители устанавливали новый миропорядок, который неизбежно заводил их в очередной кризис. Наличие ядерного оружия исключает мировую войну, поэтому начата война бактериологическая, ведущая не к "новому порядку", а к полному хаосу. В своём романе я показываю реальный выход из сложившейся ситуации, обеспечивающий дальнейшее развитие человечества.

ISBN 978-5-532-05008-2

© Корсаков Н. Ф., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

От автора	5
Вступление	6
Истоки тайн	9
Атлантида	19
Рай как таковой	22
Прометей	28
Атлантида и Гиперборея	38
Конец ознакомительного фрагмента.	54

От автора

Я пишу на такую тему, которая интересовала человечество всегда, и людей, писавших об этом, достаточно много. Поэтому вполне возможно, что некоторые страницы моего текста могут напомнить читателю тексты, другими авторами написанные ранее. Тем более что существует уже достаточно много догадок и по поводу Атлантиды, и по другим ключевым моментам нашей замутнённой чёрными провалами в ней истории. Но составление этого текста почти из одних только цитат неизбежно увело бы нас в сторону от истины, которая легко потонула бы в ворохе ненужных нам предположений и споров. Моей же конечной целью является создание безупречной логической цепи, объясняющей с помощью новой трактовки мифов и легенд происхождение человека на Земле, сложнейшую его зависимость от Высшей Силы, Троицизм Бога для человека, повторение идеи триединства в устройстве самого человека и тайну написания Библии. И мне остаётся только надеяться, что всё мною для этого сделанное будет правильно воспринято и оценено.

Вступление

Ярко-рыжая и до того густо усыпанная веснушками, что и вся она была в цвет своей пышной причёске, как пламенная буря врывалась в наш оружий, визжащий и дерущийся класс историчка. Выкрикивая «а ну, сейчас же молчать! а ну, прекратили!», она принималась что есть мочи лупить толстенной указкой по учительскому столу до тех пор, пока нам не становилось совершенно ясно, что скоро стол разлетится на куски, и тогда ярость её может обрушиться на нас. Поэтому надо успокаиваться, наконец, и слушать её чудесные рассказы про Древнюю Грецию, про Рим и Египет.

Рассказчицей она была великолепной, и так вдалбливала в наши полные только озорством и шалостями головы причины гибели Римской империи, как будто хотела уберечь нас всех от беды неминуемой, которая, судя по темпераментности её речи, должна была уже вот-вот произойти. Но более всего в её исполнении мне запомнился и впечатлил миф о Прометее.

Помню, я очень хотел тогда выяснить у замечательной, доброй учительницы моей, что это была за «темнота» у людей, в которой они пребывали? Почему боги дали Прометею возможность украсть, очевидно, самое дорогое, что у них было? Ведь даже наш сосед по улице и тот всегда прекрасно знал, когда мы собираемся оборвать у него вишни; и всё время, как только они начинали зреть, ходил за забором с длинной палкой в руке! А тут – всё-таки боги, которые и желания, и действия наши должны бы знать заранее и гораздо

вернее, чем бдительный Семён Петрович. И уж точно для охраны этого своего драгоценного «огня» (с такими-то дрессированными орлами, как у них!) им и палки бы не потребовалось. И что это за печень такая, что вечно можно её орлу клевать?

Но после урока историчке срочно надо было идти в учительскую, а нам – нестись стремглав на школьный двор, орать там во всю силу лёгких, толкаться, драться, кидаться снежками и всё это уложить в какие-то десять-пятнадцать минут полной свободы.

А если бы я всё-таки спросил её, а она – я уверен в этом – объяснила бы мне всё максимально понятно, то не стал бы я, скорее всего, столько лет возвращаться к ним вновь и вновь и искать ответы на те вопросы, которые неизбежно возникают у нас при чтении древних мифов, легенд и текста Библии. И не встала бы передо мной со временем та единственно верная, сложенная из множества деталей панорама, начало которой – на дне пропасти в двадцать тысяч лет глубиной.

В древнегреческом мифе о Прометее он сам собирает костяк человека, сам одевает его плотью, сотворённой им из размоченной земли, и в таком вполне законченном внешне виде передаёт его богине мудрости Минерве, которая прикосновением бабочки к голове «полуфабриката» одушевляет его. Причём на античном барельефе хорошо видно, что за актом одушевления к Минерве стоит целая очередь – то ли детей, то ли подростков. И получается, что Минерва в своём, на первый взгляд, лёгком занятии уступает в быстроте Прометею, выполняющему работу, требующую большого мастерства и сноровки и создающему из «праха и пыли» существо – по «образу и подобию Божьему».

Но это же явный намёк на то, что главным, важнейшим и наиболее трудоёмким в создании человека является процесс одушевления его богиней. А из этого всего возникают интереснейшие вопросы: откуда вообще к древним грекам поступила информация об обязательности существования в теле человека невидимой, неслышимой, невесомой и никак не осязаемой души? Какой авторитет сумел внушить им то, что не могло прийти к ним опытным путём? Сделав это так задолго до прихода на землю Иисуса Христа?

Оставим пока в стороне разбор ветхозаветного варианта сотворения Богом всего сущего за семь дней и обратимся к другому варианту древнегреческого мифа, в котором титану Прометею становится до того жаль находящегося в полной «темноте» людей, что он крадёт для них

у богов «огонь». Ведь Прометей – сын титана Япета, олицетворяющего собой в мифологии прародителя всего человеческого рода, и дочери Океана – Азии; а это значит, что вместе с землёй, на которой все они – исходя из самого текста мифа – жили, должно было непременно существовать ещё и солнце.

Так о какой же всё-таки «темноте» и о каком «огне» идёт в этом мифе речь? Кто бродит в полной темноте по земле, и кто же в действительности сам Прометей? И неужели эти вызывающие множество вопросов мифы придумали древние греки? Или это – плод их детского восприятия тайн нашего происхождения, которые пытались объяснить им жрецы Древнего Египта? Ведь известно, что получавшим в Египте у жрецов высшее образование грекам они говорили: «Вы, греки – дети, и навсегда останетесь только детьми!»

А далеко ли мы ушли от древних греков? И сможем ли сейчас по отдельным фрагментам мифов, легенд и сказаний восстановить полную картину нашего происхождения? Пришла ли, наконец, пора понимания и раскрытия сказочно-поэтических образов, которыми подменяли древние народы ту правду, которая пока что неподвластна и современной науке? Сможем ли мы в этом тексте так нарастить живую плоть на бранные останки древнеегипетских истин, чтобы вся панорама, вмещающая двадцать тысяч лет жизни людей на земле, наконец, открылась нам?

Мне кажется, что тянуть с этим долее никак нельзя, что пришла пора нам сделать это! Однако необходимо при этом учитывать, что, если сейчас мы могли бы, конечно, гораздо больше понять в тех древних текстах, которые тысячи лет назад читали особо продвинутые (посвящённые!) ученики, имевшие возможность получать разъяснения непонятных мест у жрецов Египта, то – при всём нашем преимуществе в уровне образования, но при отсутствии рядом с нами Учителя – мы всё-таки не смогли бы проникнуть в ту глубину истины, для постижения которой нужно нырнуть в бездну вечности, что я и предлагаю сделать читателю вместе со мной.

Найдётся много романтиков, желающих с помощью машины времени совершить путешествие в прошлое. Даже в один конец. Но если представить себе, что удалось бы романтикам этим выжить в тех непредсказуемых, скорее всего, суровых условиях, кое-как приспособиться к той жизни и затем стать членами того общества, то это бы ещё не означало, что, несмотря на свой более высокий уровень образования и культуры, хоть один из них понял бы, что, собственно говоря, в целом происходит? Куда, к какой цели движется его страна и соседние государства, и есть ли хоть какой-нибудь смысл в происходящем, кроме борьбы за выживание, как отдельных граждан и их семей, так и всей их страны?

Ведь смысл развития нашей цивилизации не могут определить и лучшие из нас – даже в наши дни! – ссылаясь обычно на грандиозность замысла Господня. А всё потому, мне кажется, что нам никак не удаётся найти ту отправную точку, что является нашим началом; и потом, получив твёрдую опору, попытаться приблизиться к пониманию Его цели.

Будущее, то есть цель, может открыться нам, как известно, только через не имеющее алиби прошлое. А потому совсем другое дело, если мы начнём спускаться вниз, к нашим истокам, пользуясь ступеньками, скобами или просто зарубками, по захватывающей дух крутизне временного колодца, изобретённого Томасом Манном в его бессмертном гениальном романе «Иосиф и его братья». Тогда у нас есть шанс понять и наше происхождение, постепенно спустившись к самому началу, и весь наш сложный путь, чтобы, наконец, осознав своё предназначение, обрести новый смысл жизни.

Но до того, как ухнем мы с вами в такую головокружительную глубину, я хочу ещё раз вспомнить свою историчку, осыпавшую нас такими искрами из своих голубых, темневших от вдохновения глаз, будто она хотела и впрямь зажечь в наших душах тот самый «огонь» Прометея.

Конечно, может показаться странным, что я вспоминаю лишь об одной своей учительнице, но, готов поклясться, я всех своих преподавателей помню и люблю. Помню так, будто только вчера произошёл этот роман – почти что полной темноты, незнания, неумения и полудиких инстинктов хулигана-мальчишки со школой, пытающейся на листе далеко не всегда белой и чистой бумаги записать посильную ей часть мирового знания, опыта и культуры, вдохнув в тех из нас, кто не оказывает образовательному процессу яростного сопротивления, тягу к знаниям, совершенству и мастерству, и любовь, и уважение к людям. Этот, к сожалению, не всегда плодотворный, но, безусловно, на всю жизнь остающийся светлым и волнующим всех нас воспоминанием о школе наш первый роман – это «вчера» – продолжает меня огорчать и радовать, как когда-то.

И тут было бы вполне естественно – по всем законам жанра – плавно перейти к благодатнейшей теме романов с одноклассниками и ровесниками, густо примешав её пряность к этому тексту. Но такое никак невозможно в этой моей повести, даже, я бы сказал, вовсе здесь неуместно, потому что «Панорама» задумывалась мной изначально как теософский трактат, плавно и верно переходящий в роман автора – ни много ни мало – с самой что ни на есть Правдой, раскрывающей нам суть бытия. И только возникшая в процессе работы моя теперь уже полная уверенность в том, что Правда, являясь частью сущности самого Творца, как и Он, совершенно непостижима, стала причиной переориентации моего замысла и создания сложного кружева, состоящего из романов с тайнами и таинствами бытия, начиная с тайны Атлантиды и Озириса, тайны Адама и Евы, тайны романа души и тела и заканчивая достигшим в наше время пика пошлости, опаснейшим для всего живого романом человечества с деньгами.

Мне остаётся лишь добиться того, чтобы ставшая уже очевидной для всех моя полигамия трепетно и плавно трансформировалась в полифонию и постепенно нарастающим своим звучанием заставила бы даже не имеющих музыкального слуха моих современников и, так сказать, соучастников в акте познания бытия расслышать в мощном звучании тысяч инструментов грандиозного, вобравшего в себя мастерство множества веков симфонического оркестра основную тему – совершенно логичную схему возникновения и развития жизни на Земле.

При этом замахнуться на всю полноту Правды я – по причине, которую уже изложил выше и к которой обращусь ещё не раз, – никак не могу, и если у вас после прочтения «Панорамы» будут возникать, вместо старых, новые вопросы, то ответить на них будет моей святой обязанностью.

Истоки тайн

Как много времени прошло!
Столетия тучами клубились,
Тысячелетия в окно,
Поймавшись в тюль, как рыбы, бились.

Из ткани той – годов ряды,
Нельзя сказать, чтобы случайно,
Событьем падали в пруды
И покрывались ряской тайны.

И кто ж захочет выпить пруд,
Чтоб ил увидеть, мусор, кости...?
И карасей позвать на суд?
Да это вы, пожалуй, бросьте!

Все тайны видны: вот – сейчас...
И только страхом нашим вечным,
И ленью пошлой, без прикрас,
Мы истину всегда калечим...

Как будто бы того боясь,
Что Правдой глупость вдруг излечим.

Глупость здесь, конечно, имеется в виду отнюдь не бытовая и даже не та, что стоит порой многих миллионов жизней, а та, «благодаря» которой мы упорно движемся к полному краху, лентясь сделать хотя бы шаг к её осознанию. Шаг, который привёл бы нас к пониманию этой неотступно сопровождающей человека глупости как необходимого нам для самообмана средства ухода от собственной ответственности за проступки, в которых мы так любим обвинять чёрта, дьявола, ведьм и прочую нечистую силу. При этом мы весьма хитро как бы перекладываем на Бога всю ответственность за её существование. Такой подтасовкой и передёргиванием карточной колоды, которой мы всю жизнь как бы играем со своей судьбой, верующие и неверующие занимаются с одинаковым энтузиазмом, осмеливаясь обращаться к Высшим Силам ту иронии и сарказм, которые надо бы применять к себе самим.

Но можно ли обвинить в духовной лени человека, всю свою жизнь испытывающего довольно жёсткий диктат среды, вынуждающей его к образу жизни и занятиям, которые кажутся ему порою чуждыми его внутренним желаниям, запросам и мечтам, настолько не стыкующимся с его уделом, что он постарался бы избегнуть последнего, если бы только кто-то (!) предоставил ему хороший выбор? Вина ли человека в том, что он очень часто до самой своей кончины не в состоянии понять: только внутренняя его работа, неустанный духовный поиск и лепка им своей индивидуальности дали бы и широкий выбор ему, и смысл самой жизни его? Ведь чаще всего человека по жизни сопровождают советчики, наставники, диктаторы, но никак не духовные лидеры, способные к полному пробуждению и развитию стеснительных и легкоранимых душ своих учеников.

И тут, как бы я ни хотел обойти тему Бога вовсе – не только ввиду крайней её сложности, но и по причине возникшей у многих читателей аллергии на неё из-за огромного давления различных церквей и сект, старающихся поймать в свои тенета как можно больше овец, чтобы стричь много раз в год, манипулируя их сознанием, – сделать это я никак не могу, потому что, начав писать о происхождении человека, тему Бога обойти нельзя. Тему сложнейшую – в любой её интерпретации, а в моей попытке лишить её полностью и бесповоротно всякого мистического начала делающуюся, как это ни странно, ещё более сложной для восприятия человеческим сознанием, – но в итоге всё-таки полностью проясняющую суть могущества Бога. Что лишит, очевидно, заработка очень многих «пастырей», подвергающих свою паству недопустимому психологическому давлению. Хотя, должен сказать, совсем не это ставлю я основной своей целью.

Прежде чем приступить к раскрытию тайн бытия, я должен заявить, что раскрываю их и освобождаю тем самым от мистики и полуправды наше изрядно замутнённое прошедшими тысячелетиями и нашей вполне сознательной ложью прошлое в том числе и для того, чтобы исключить всякую возможность манипуляции сознанием людей – любым из известных нам на сегодняшний день способов. Потому что, прочитав мой роман с тайнами, каждый поймёт, для чего Бог-Отец миллиарды лет тому назад создал Землю; для чего – после долгого периода необходимой подготовки – Он создал на ней природу и, как царя её – дикого человека; с какой целью Бог-Отец разрешил Детям Своим провести на Земле эксперимент по созданию из «царя природы» разумного и плодотворного существа; и почему даёт Он, как каждому из нас, так и цивилизации нашей в целом, лишь шанс и лишь свободу выбора – не только между правильными и неправильными решениями и действиями, но, в конце концов, между жизнью и смертью на планете нашей всего на ней сущего. А также поймём мы и то, отчего этот последний акт земного бытия, если он состоится, никак не будет противоречить понятию Вселенского Добра, то есть тому, что Бог есть Добро и что Добро есть основа всего сущего.

Поняв это, мы должны будем осознать ещё и возможность иной, чем представляется она нам сейчас, судьбы человечества на планете Земля и иной роли человека в грандиозных замыслах Творца. И эта роль, – а с ней и совсем иной уровень жизни обретающих смысл и цель людей – прячется от нас не в параллельном мире. Не нужно искать её в четвёртом измерении – она ведь давно ясна и легко понятна, но требует от нас, кроме наших обычных трудов и забот, ещё и очень значительной перестройки нашего внутреннего мира, чему обычно сопротивляемся мы – с каким-то роковым упрямством – всю жизнь.

Но как вышел я на эту тему? Неужели нашёл в пещере и расшифровал древнейший текст атлантов? Ничуть не бывало! Ведь на самом деле почти всё давным-давно уже расшифровано и, несмотря на некоторые неточности переводов, совершенно недвусмысленно до нас донесено. А кроме этого имеется ещё и множество догадок, справедливых, но не доведенных до конечного результата, который бы дал нам новое понимание мира.

И даже самым отъявленным материалистам продвижению вперёд тут мешает мистика, в которую человеку всегда было гораздо удобней погрузиться, чем осознать требующую от него конкретных действий правду. Мистика же эта настолько затрудняет нам понимание истины, что, только освободившись от неё полностью, мы поймём: Бог, несмотря на Его полное владение любой ситуацией в мире и абсолютную правоту всех Его решений, максимально прост и доступен для непосредственного общения с Ним гораздо более, чем любой наш самый маленький начальник. И строительство звёздных систем в масштабах необъятного Космоса для Бога-Отца является будничной ежедневной работой и заботой, а эволюция, которую мы ошибочно противопоставляем Ему, на самом деле – один из необходимых Ему в Его ежедневной деятельности инструментов... Мы осознаем ещё и то, что таких масштабов деятельность Его возможна только потому, что Он... действительно бессмертен. И только проникнув во всё это, вы

начнёте понимать, почему я так уверенно и просто говорю об Озирисе-Прометее, об Иисусе Христе и о самом Всевышнем.

И чтобы разобраться нам во всём этом получше, придётся мне ещё и ещё объяснять некоторые детали... Начнём, пожалуй, с того, что совсем-совсем недавно, каких-то сто лет тому назад, никто из людей не смог бы в подробностях предсказать тот расцвет науки и техники, который мы наблюдаем сейчас в развитых странах. Двести лет назад человек, осмелившийся предсказать наше сегодня, был бы, в лучшем случае, осмеян, а пятьсот лет назад его бы сожгли на костре. Таким образом, мы видим, что все наши наивысшие достижения в области науки и инженерии вмещаются в очень короткий промежуток времени, а за плечами у Бога и Его Детей – миллиарды лет развития в совершенно невообразимых для нас условиях. Сколько на самом деле этих миллиардов лет у них за плечами – мы не можем себе представить хотя бы потому, что время (в нашем земном понимании) для них не существует вовсе.

И не надо объявлять этот факт мистической, совершенно необъяснимой тайной. Достаточно, мне кажется, дать нашей цивилизации хотя бы миллион лет созидательного развития, и мы, если и не подошли бы вплотную к самой вечности, то оказались бы очень к ней близки. Ведь мы видим, что современная наука творит чудеса наяву, а не во сне! А вот почему до начала земного эксперимента во всей Вселенной были только Бог и Его Дети, почему существовал невообразимое для нас количество лет именно такой миропорядок, мы сможем понять, только если сумеем подняться до абсолютных вершин нравственного развития (хотя некоторые предположения я делаю в ходе моего романа с тайнами и на этот счёт).

Но почему же, почему тогда всемогущий, мудрый Бог не руководит земными процессами развития человечества так, как Он руководит всей Вселенной? Один из ответов на этот вопрос мы легко находим в событиях, случившихся около двух тысяч лет тому назад в Иерусалиме. Ибо из совершенно достоверных источников мы знаем, как люди поступили с Иисусом из Назарета, когда Он сделал всё, чтобы видевшие Его считали Его Живым Богом: они жестоко казнили Его. А ведь Он, превысив несколько свои полномочия, творил чудеса, чтобы сначала повести за собой, а потом начать прямо руководить теми, к кому испытывал любовь и жалость, предвидя тот тупик пустой злобы и ненависти, в котором мы сейчас оказались. Впрочем, к этой теме я обращусь ещё не раз, и мы увидим её с разных ракурсов и достаточно подробно, чтобы понять, в нашем конкретном случае, кроме действий Иисуса, позицию самого Бога-Отца.

Но не слишком ли самонадеянно считать, что эта моя новая концепция мироздания (вернее сказать, эти первые наброски её) может быть принята в будущем, как верующими, так и атеистами, с большим доверием, чем известная легенда о создании всего сущего и человека в нём всего лишь за семь дней. И тут я должен, прежде всего, оговориться, что ни в коем случае не позволю себе посягнуть на светлую и чистую веру, которая живёт в тех, кто верит в библейский вариант сотворения мира. Ведь если бы все люди были охвачены этой верой, то и наша реальность была бы совсем иной. И я даже не смею фантазировать насчёт того, насколько бы она была иной, чем наше сегодня. А обращаясь, прежде всего, к неверующим, как могу я рассчитывать на то, что сразу после прочтения этого текста в них родится, вместо атеизма, вера в вариант всемогущества Бога – мало того, что гораздо более грандиозный, чем старый, библейский, но ещё и утверждающий, что сроки дел в четыре с половиной миллиарда лет не просто являются для Него вполне обычными, но что Его проекты на самом деле длятся гораздо больше лет? Лет, которых у него и нет вовсе, потому что Он вечен так же, как вечна сама Вселенная.

И не спешите отвергать этот вариант и смеяться над ним. Вспомните лучше, что каких-то сорок лет тому назад никто не мог себе представить мобильные телефоны, смартфоны, ноутбуки, 3D-принтеры и прочие вещи, появление которых говорит нам о том, что, если обойдёмся мы без термоядерного самоуничтожения, то масштабы нашего могущества, скажем, через четыреста лет, никто сейчас предсказать не может.

Впрочем, я начал писать свой роман с тайнами именно для того, чтобы, раскрыв их, показать своим читателям не только всю сложность мироздания, которую не успеваем мы осознать, находясь в своих заботах о завтрашнем дне, но и, дав им новый образ Бога, сделать полностью осмысленным и вполне реальным наш выход на высший уровень развития. А это возможно для нас только тогда, когда побудительными причинами наших действий станут не выгода, злоба и ненависть, а нравственный закон в душе каждого из нас. Иначе не только четверста, но и четыре года могут стать для нас непреодолимым рубежом. И тут можно было бы счесть меня очередным проповедником, если бы не те доказательства, которые будут далее приведены, чтобы дать людям – вместо мистики Страшного Суда и Конца Света – осознание реальной возможности получения ими одной из главных ролей в грандиозном спектакле уже не только земного, а и космического масштаба.

Но кого я хочу увлечь столь необычной мечтой, столь фантастическим проектом? Неужели тех, кто совсем недавно строил коммунизм и, хотя почти поголовно в него не верил, но построил-таки сильное государство с достаточно развитой системой социальной справедливости? Или, быть может, тех, кто свято верит в ценности демократий Запада? И в их мораль, столь ярко проявившуюся в войнах во Вьетнаме, Ираке, Афганистане, в ужасном распаде Югославии и в ливийском, сирийском и украинском конфликтах?

Так же, как ловится на различные виды наживок рыбка, легко поймать и человека. На выгоду, на амбиции и на различные новые идеи всегда очень хороший клёв. Глубоководный трал, правда, гораздо эффективнее, но бывает, что, зачерпнув многомиллионный косяк, переворачивается траулер и гибнет вместе со всей командой, увлекаемый этим неподъёмным грузом на самое дно. Поэтому на заманчивые посулы и пустые обещания я никого ловить не буду; и не собираюсь я делать свою «Панораму» «простой, как мычание» и доступной для понимания её абсолютным большинством; и, тем паче, популяризировать её в массах. Речь ведь у нас пойдёт о вещах достаточно сложных; но я попытаюсь, тем не менее и как бы в противовес вышесказанному (человек – существо крайне противоречивое), довести до любого осилившего этот текст, что сейчас человек поставлен самым естественным ходом развития земной цивилизации перед выбором: либо полная перезагрузка земного проекта, которая может наступить гораздо скорее, чем нам бы того хотелось, пройдя по нашей планете с неудержимостью горного селя, либо глубоко осознанное людьми массовое выполнение того Закона, который дал нам Бог-Отец.

Одновременно мы – пусть и только в самом первом приближении – сможем понять суть Троицтва Бога. Смысл этого грандиозного объединения, которое лишим мы мистики, откроется нам для того, чтобы мы смогли наметить для себя новые рубежи и пойти к ним, оставив в прошлом модель развития, которую двигают агрессивная жадность и вражда именно туда, куда нам так не хотелось бы досрочно попасть.

Хотя наверняка нет никого, кто не попытался бы сложить образ Бога в своей душе, и очень многие веруют в Господа достаточно искренне всю свою жизнь, но уместно здесь вспомнить и о том, что ученики Иисуса Христа, видевшие неоднократно Его чудеса и достаточно долго общавшиеся с Ним непосредственно, продолжали всё же требовать от Иисуса, чтобы Он явил себя не только им, а всем людям на земле и «показал им Небесное Царство и Отца Своего». И этим они открыли нам, что не в силах были рассмотреть Бога в стоящем прямо перед ними Иисусе, что хотели бы видеть всё новые и новые чудеса вместо того, чтобы сразу же заняться активной внутренней своей работой, к которой призывал их и призывает всех нас Иисус Христос и которой избегает подавляющее большинство из нас всю свою жизнь.

Так можем ли мы упрекать не верующих в Бога, если они не имеют возможности видеть Его перед собой так, как видели Его когда-то толпы в Галилее, Иудее и Иерусалиме? Но если бы сегодняшние атеисты и увидели сейчас Бога, то так же не «рассмотрели» бы Его в стоящем

прямо перед ними человеке и не поняли бы Его слов (как не поняли их те, которым повезло видеть и слушать живого Иисуса) по той лишь причине, что не выполняются нами те заповеди Бога, что даны были нам как главное условие проникновения нашего в глубину Божьего замысла, открывающего возможность видеть не внешний Его облик, а саму суть.

Тут само собой выходит, что я, признавая право атеиста не верить в Бога по причине предусмотренной самим Господом невозможности для нас прямого распознавания образа Его и только лишь одной оставленной Им для нас возможности – построения в своём внутреннем мире концепции Его сути – хочу, тем не менее, увлечь воображение читателя и укрепить его нравственное кредо своими весьма необычными толкованиями легенд и мифов, превращаемых мной постепенно в те внятные фрагменты, которые сложатся затем в никогда прежде не виданную панораму нашего бытия. Бытия, как мы видим, пока ещё весьма сумбурного. И, лично на мой взгляд, именно потому сумбурного, что нам изначально было предложено свято верить довольно неясным поэтическим образам теми, кто в очень древние времена, добравшись до них как до божественной, святой истины и находясь на детском уровне восприятия мира, не смогли их правильно оценить и понять, но – имея все основания считать, что располагают они божественными к человечеству посланиями – потребовали от своих соплеменников искренней и непоколебимой веры в не вполне правильно переведённые ими отрывки попавших в их руки древних текстов поэм, повестей, романов, пьес и научных трактатов атлантов.

Вступая на путь правок и уточнений, позволяющий прояснить религиозную мистику до состояния простоты восприятия её основ и причин её возникновения, я очень хотел бы, чтобы в каждом случае, когда – вследствие моего романа с очередной тайной – на свет белый будет появляться новая правда, читатель мой не испытывал бы желания немедленно удушить новорождённую, вернув этим тайну в состояние лжи, а взял бы и на себя часть труда по установлению новой и очень непростой истины. Это сотрудничество будет тем плодотворней, чем чаще будет создавать духовный резонанс наше обоюдное желание приподняться над банальностью бытия и (наконец-то!) не столько увидеть в новой его интерпретации смысл присущего каждому из нас замкнутого животного цикла, сколько неожиданно для себя ощутить своё мощное вторжение в мир первичного Разума и осознать при этом ещё и реальную возможность будущего нашего вхождения в Космическое Братство.

То есть я бы очень хотел, чтобы не только воображение читателя, но и весь его жизненный опыт и знания, весь его внутренний мир, вливаясь в мой текст, создали бы невиданную прежде возможность утверждения полной нашей уверенности в существовании Творца. Творца – гораздо более мудрого и могущественного, чем могли мы себе представить даже в наиболее смелых и удачных наших фантазиях. Таким образом нам, наконец, удастся с помощью интеллекта, развитие которого, к глубокому сожалению, весьма опережает наше нравственное развитие, выйти к разгадке тайны возникновения разумной жизни на планете Земля и к разгадке многих других тайн. И тогда мы будем должны – с помощью своего ума, если никак не удаётся нам сделать это сердцем – постигнуть смысл и значение данных нам когда-то Познания и Добра, чтобы пойти путём, подсказанным нам Спасителем, и избежать полной катастрофы.

Спускаясь вниз по крутой стене временного колодца, мы не можем не заметить, что о существовании Атлантиды и о страшной гибели её знали в большинстве государств древности, но ни точного месторасположения этой страны, ни степени развития её никто и никогда не называл. Платон, получив информацию от египетских жрецов, говорил о десяти тысячах лет со дня её гибели; у Солона получалась эта цифра несколько большей, но совершенно невозможно было проверить и чем-то подтвердить эти даты.

Главное же в том, что они не делали никакой исторической привязки Атлантиды к одной из достоверно известных цивилизаций, существовавших на Земле до неё или после, не говоря уж о современных ей – и это несмотря на то, что мифы и легенды древних греков, евреев,

египтян, шумеров и других древних народов уверенно уходили в неоглядные глубины тысячелетий. Из этого можно сделать вывод о том, что эти «десять тысяч лет» Платона и ещё большие, чем у него, сроки других авторитетов служили им просто для обозначения таким образом неоглядной дали времён, объясняющей предельную скудость сведений об этой, если верить старой легенде о ней, сказочно высокоразвитой цивилизации. То есть настолько высокоразвитой, что у рассказчиков даже не находилось слов для обозначения её чудес.

Тяга к чудесам у древних была не меньшей, чем у нас, грешных, а, наверное, даже и большей, так как в отсутствие средств коммуникации краснобайство было единственным способом потешить воображение. Несмотря на это, о чудесах Атлантиды – нигде ни гугу. Мне кажется, что, легко и просто представляя себе людей с пёсьими головами, краснобаи никак не могли позволить себе говорить всерьёз о быстро – и безо всяких взмахов крыльями – летающих железных птицах, грохочущих на рельсах поездах, подводных лодках, похожих на морских чудовищ, и металлических проводах, как паутина опутывавших весь остров. Это было бы уж чересчур фантастично для обычных рассказней; да и просто было бы по тем временам невозможно своим слушателям объяснить подобные невиданные и потому непредставимые вещи.

«По подсчётам халдеев, от великого потопа до начала первой исторической династии Двуречья прошло 39 180 лет», – пишет Томас Манн в прологе к роману «Иосиф и его братья». Там же он упоминает, что задолго до того затонула Лемурия, являвшаяся частью потонувшей уже в совершенно недоступной для обозрения дали Гондваны...

Надо ли и нам спускаться в столь никому не ведомую глубь? Туда, где нет никаких зацепок, никаких ориентиров, никаких свидетельств культуры. А был ли, действительно, в такой временной дали этот самый великий потоп? Если первая историческая династия Двуречья возникла через 39 180 лет после него, то кто же вёл отсчёт всё это время, делая зарубки не иначе как каждую тысячу лет? И не являются ли Гондвана и Лемурия просто плодом воображения древних фантастов, ощущавших (так же, как и мы!) неодолимую потребность в поиске начала начал человечества? Нашупать в глубине веков точку отсчёта хотелось всегда, а великий потоп был, скорее всего, далеко не один.

Тогда, быть может, заинтересует нас сооружение первой египетской пирамиды, построенной, как считают некоторые, за четыре тысячи лет до новой эры, или совершенно фантастическое появление среди песков поражающего воображение необъяснимой огромностью и ещё больше – тайной своего художественного замысла – изображения сфинкса, сотворённого неизвестно кем в ещё более давние времена? Может быть, будем мы интересоваться героями древних битв, победителями и побеждёнными, государствами, исчезнувшими с карты Земли? Нет! Цель наша – узнать происхождение человека, а потому интересуют нас миф о Прометее, миф о рае и изгнании из него Адама и Евы, легенда об Атлантиде и, конечно же – как опора для человеческого духа и ценный источник сведений – Библия; без неё – никуда.

Вполне возможно (во всяком случае, я на это надеюсь), что, уяснив для себя правду о нашем происхождении и наших настоящих взаимоотношениях (!) со Всевышним, мы перестанем, наконец, убивать друг друга и уничтожать Землю, на которой мы ещё можем жить долго и счастливо.

В своём рассказе об Атлантиде мне естественнее всего было бы остановиться на дате, указанной Платоном, используя его непререкаемый авторитет, чтобы в случае каких-нибудь расхождений в сроках событий на него всё и свалить, тем более, что тогда немой разрыв между этой его датой и самой древней пирамидой Египта мне было бы гораздо проще объяснить. Но факт существования двадцатитысячелетнего зерна культурной пшеницы полностью меняет дело, предоставляя нам единственно верный ориентир. В зёрнах этой пшеницы на один ген больше, чем в природной дикой пшеничке, осыпавшейся тотчас при вызревании, а значит – совсем не пригодной для выращивания в целях культурного производства продуктов питания.

Этот факт, установленный наукой, говорит нам (и говорит совершенно явственно) о том, что двадцать с лишком тысяч лет тому назад кто-то на земле занялся генной инженерией, ведь ген никак не мог добавиться сам и генный код кто-то должен был изменить. Дикой пшеничкой, собирая её в горсти с земли, могло прокормиться лишь небольшое количество (племя) людей в краткий период её созревания, а разведение культурной пшеницы, очевидно, понадобилось кому-то для прокорма множества людей, объединённых в государство.

Может показаться, что теперь мне будет гораздо труднее объяснить чудовищный разрыв в четырнадцать тысяч лет забвения и почти полной неизвестности между гибелью Атлантиды и сооружением первой египетской пирамиды. Потому что гораздо труднее представить себе жизнь уцелевших от катастрофы атлантов, проходившую в окружении полудиких и диких племён в течение столь длительного периода, чем наши верные шесть тысяч лет, тоже весьма трудно представимые как связанное целое, но всё же имеющиеся во вполне реальной и даже сопоставимой по датам, появляющимся и исчезающим государствам и цивилизациям современной истории.

Но сотни тысяч лет существовало и существует сейчас с нами рядом неоспоримое доказательство того, что и четырнадцать, и четырнадцать в квадрате тысяч лет протекали и могут в дальнейшем снова протечь безо всяких проблесков разума и стремления к познанию, то есть в полном безвременье; и это доказательство – живущие на земле в наши дни совершенно дикие племена людей, не желающие контактировать с нашей цивилизацией и не ведущие никакого отсчёта времени.

Давайте ещё раз вернёмся к нашим твёрдым и широким ступеням и представим себе весь путь человечества, сжав историю промелькнувших тысячелетий всего в несколько фраз. Начав с цивилизаций Древнего Египта, Древней Греции, Древнего Рима, Древней Персии и других древних стран, мы сможем тогда проследить, как медленно перетекало одно тысячелетие в другое, принося лишь очень незначительные изменения в жизнь и быт простых людей, их населявших. Годы нашей современной жизни, очевидно, уносят нас неизмеримо дальше вперёд, чем уносили тысячелетия в прошлом; но если оживить нам – не Геракла и Ахилла, не Язона и Одиссея, не Антония и Клеопатру, а Солона, Пифагора, Аристотеля, Архимеда, Платона, Диогена, Сократа, Гомера, Гиппократ, Софокла, Фирдоуси, Саади, Авиценну и многих, многих других учёных, мыслителей, драматургов и поэтов древности и ознакомить их с чудесными возможностями интернета – то дело не в том, что вскоре они по праву встанут в ряд современных нобелевских лауреатов, а в том, что ужаснутся наверняка они гибельности нашего пути, нашего, начиная с конца девятнадцатого века, спринтерского забега. Ужаснутся, так как гибельность ошибок наших была бы очевидна для них и в те стародавние времена, не говоря уж о временах нынешних.

Выдающиеся умы планеты, имея превосходное финансирование, напряжённо ищут способ обуздания антивещества, желая получить при его помощи новые виды оружия и чудовищной мощности энергию, необходимую, по-видимому, для утверждения полного мирового господства своих хозяев. Кроме того, существует «голубая мечта» – разгадать тайну так называемой «тёмной энергии», чтобы с её помощью понаделать-таки массу наверняка симпатичных астероидов из нашей красавицы-Земли. Но и этого мало: в большом адронном коллайдере группа квалифицированных учёных ищет возможность воссоздать тот самый взрыв, что, как считается, когда-то образовал Вселенную, и этим самым в неизмеримо далёком будущем загрузить интересной работёнкой коллектив пытливых учёных, которые сделают попытку (через несколько миллиардов годков) в стране, чем-то до боли напоминающей Швейцарию, разгадать причины этой – вначале всё разрушившей, а затем всё образовавшей (!) – космической катастрофы. Как всё-таки тут бросается в глаза эта странная склонность капитала к роковому объединению усилий его и науки, когда дело касается поиска способов тотального уничтожения

жизни на Земле, которого, кстати, никак не смогут избежать и сами инициаторы, и разработчики новейших видов оружия!

Сотни миллионов лет земляне могут жить в своё удовольствие на наилучшей во всей Вселенной по богатству и разнообразию своей природы планете, если только наведут на неё порядок; но, правда, с наведением этого элементарного порядка на земле исчезнут многомиллиардные прибыли и состояния частных лиц, а с ними – неограниченная власть кучки земных богачей. Поэтому и представляют их наймиты мировой общественности проблемы перенаселения и экологии роковыми и неразрешимыми; и пугают они нас скорой нехваткой пресловутых энергоресурсов и продовольствия потому, что крупный капитал не только является причиной возникновения и тормозом в решении этих проблем, но и очень плодотворно паразитирует на них.

Однако все эти проблемы – при наличии доброй воли и сотрудничества государств – имеют вполне реальные решения. Впрочем, к этой теме мы ещё вернёмся, когда достаточно будут прояснены в этом тексте вопросы нашего происхождения и довольно странной судьбы, в которой Высшая Воля (как нам всегда казалось – загадочно, а на самом деле – вполне закономерно) крепко переплетена с нашим яростным сопротивлением ей, обусловленным нашим постоянным стремлением к пошлomu самообману.

Мог ли я в своём толковании мифов и легенд обойтись без временного колодца и всех дат и имён из гениального пролога Томаса Манна к его грандиозному повествованию? Разумеется, мог. Но мне так хотелось вновь – и уже не одному – окунуться в совершенно изумительный поток его мыслей, уносящий читателя к неоглядным далям мировой истории, что я не смог удержаться от желания прикоснуться снова к тому, что когда-то, доставив мне массу удовольствия, заставило меня вернуться к размышлениям о загадках некоторых мифов, легенд и текстов из Священного Писания. Правда, мы теперь будем... подниматься навстречу Манну от той точки нашей истории, которая казалась ему совершенно недостижимой, но оказалась на самом деле не так уж и глубоко – всего лишь на отметке «двадцать тысяч лет» его временного колодца.

Ниже этой отметки тоже есть история, но это история дикаря, послужившего «заготовкой» для «производства» разумного человека, и нас мало интересуют здесь все детали его борьбы за существование. Тяжёлой и полной смертельных опасностей борьбой, в результате которой он не только изобрёл примитивное оружие и победил всех своих соперников, но и «смог назвать себя и предметы вокруг», за что заслужил похвалу Господа.

Поднимаясь от самого нашего начала навстречу Томасу Манну, мы тоже, как и он, не избежим тёмных провалов в нашей истории; но теперь мы будем знать не только причины этой непроглядной темноты, но и то, что никакой прожектор не сможет помочь нам различить в этих временных отрезках что-либо интересное, кроме тех, выражаясь фигурально, вещей, которые мы узнаем и на ощупь благодаря нашему опыту и логике. Однако, поднимаясь вверх, мы не сможем отказаться от надёжных ступеней, лестничных перекладин и зарубок, которые Томас Манн оставил для всех нас в своём временном колодце, имея, правда, несколько иные, чем у нас, цели. Трудно переоценить его удивительно ясный и острый ум, талант писателя и заслуги перед историей человечества...

Нам всё кажется, что кто-то спрятал и утаивает от нас истину, что в каких-то древних манускриптах или, может быть, на скрижалях записана она когда-то кем-то для нас, далёких потомков, но злонамеренные жрецы либо монахи спрятали эти записи, не желая просветления масс, а то и уничтожили их. Некоторые искренне верят ещё в существование магического кристалла и тринадцатого хрустального черепа, обеспечивающих их владельцу власть над тайнами и людьми. И многие ещё мечтают о волшебной палочке Гарри Поттера...

А между тем вся информация, касающаяся нашего происхождения, всё это время находилась в нашем полном распоряжении, заключаясь в древних мифах и легендах и текстах Биб-

лии. Дело только в очень трудно понимаемой образности этих свидетельств, пришедших к нам из глубочайшей древности; образности – достаточно сложной и в оригинале, а из-за неизбежных искажений временем – окончательно замутнённой.

Представим себе на минутку, что захотели бы мы послать в следующее тысячелетие нашим трудно представимым потомкам какую-то особо ценную информацию, или предупреждение о неизбежной беде, или разгадку всех тайн природы; ну, что бы такое мы им послали? Ответ тут крайне простой и весьма печальный: нет ничего неизвестного им, столь далёким нашим потомкам, если, конечно, они ещё будут; ничего такого, чем мы могли бы их удивить и порадовать. А почему же тогда у нас есть подозрение, что наше прошлое хранит много тайн и чудесных секретов, посланных когда-то нам очень далёкими предками нашими? Да от пришедшей к нам из глубины веков твёрдой уверенности в том, что эти давно забытые тайны и чудеса существовали!

У меня нет сомнений в том, что в Атлантиде множество романов, пьес и поэм было написано на темы изгнания из рая Адама и Евы и подвига Прометея. События эти были слишком свежи и значительны, чтобы обойти их вниманием. Но представьте себе судьбу любой книги, передаваемой из рук в руки на протяжении тысяч лет. Много ли она протянет? Потому и сжался текст книги, и были усложнены, подвергаясь неоднократной адаптации, её образы, что после гибели книги передавать изустно её текст со всеми подробностями – в полную реальность которых самим передающим её рассказчикам всё меньше и меньше верилось, – становилось всё сложнее и сложнее, а большинство деталей текста терялось безвозвратно. Вот так и в тексте о катастрофе на острове Атлантида неизбежно утрачивались со временем свидетельства об её истинных причинах и деталях; и делалась она всё более и более похожей на битву богов между собой либо на их кару людям, которые, достаточно остро ощущая свою греховность, во все времена не могли не думать о неизбежном недовольстве собой Высших Сил и о вполне возможной ужасной мести им с Их стороны.

После того, как нам станет понятна суть мифов и легенд, мы совершенно утратим всякую зависимость от привязки к каким-либо датам. То есть, если вскоре археологи раскопают очередной искусно сложенный из камня дворец, а в кладовке его найдут зёрна культурной пшеницы или иного злака, которому исполнилось, скажем, сорок тысяч лет, то это только увеличит период безвременья, но никак не повлияет на истину.

У меня нет сомнений в том, что начинать свой роман с тайнами нам надо с самой первой из них, выраженной когда-то кем-то в очень сжатой и ёмкой формуле. Она настолько образна, кратка и так много вмещает в себя, что, мне кажется, такая формула могла родиться только у автора, который, если и не был непосредственным свидетелем внезапного (и как бы ниоткуда...) появления в небесах Слова, то впитал в себя это чудо, услышав о нём от непосредственного участника события. И то, что этот участник, сказав: «В начале было Слово, и Слово было о Боге, и Слово было Бог», – выразил в этом сверхёмком образе начало начал человечества, говорит нам со всей определённой, что, во-первых, автор не привык к многословию, а во-вторых – для него это событие, столь грандиозное для нас, было только началом хоть и не простой, но обычной будничной работы. Работы, в которой бывают задачи и посложнее, чем наше «начало», совсем не предполагающее особой пышности и велеречивости.

В то же время эта формула, этот краткий, но несравненно яркий и ёмкий, сложный – какой-то, я бы сказал, вынужденной сложностью – поэтический образ всегда будил и продолжает будить наше воображение, предоставляя нам обширнейшее поле для толкований этого самого начала из начал. Но вместе с тем и затемняя – безусловно, намеренно – смысл этого грандиознейшего действия для обычного, не готового ещё к осознанию истины человека, приученного более всего к конкретике и детализации, только и дающим ему полное представление о том или ином процессе.

Самым естественным и простым объяснением этой пришедшей к нам из глубины тысячелетий формулы всегда было то, что всё сущее сотворено-де Богом и продолжает существовать и развиваться благодаря Ему. Но тогда было бы правильнее всего так прямо и написать, а не давать этот трудно объяснимый намёк на ещё и некое таинственное взаимное замещение Слова и Бога.

А что, если всё было так...

Атлантида

Мистика ль? Истина ль? Где вы? Ау?!

... В плитах, торосах и паковом льду!

Десятки тысяч крылатых, огромных, поражающих мощью и великолепием существ летали над хрустально-чистыми водами, над ароматными лугами и лесами, наслаждаясь свободным полётом в тугих воздушных струях, любуясь сменяющимися друг друга видами земных пейзажей и восклицая: «Бог! Бог! Бог! Только Бог мог создать такое чудо!»

Таким образом, в совершенно прямом смысле – «Слово носилось над водами». И совершенно ясно и определённо звучит теперь основополагающая фраза: «В начале было Слово, и Слово было о Боге, и Слово было Бог».

Да и могла ли быть иной реакция на красоту Земли у тех, кто миллиарды лет, тысячелетие за тысячелетием, распространялся во Вселенной, покоря огромные расстояния в непрерывном поиске братьев по разуму и сколько-нибудь пригодных для жизни планет. Ведь никогда и ничего похожего на Землю они не встречали.

Если представить себе изумление путника, скитавшегося много месяцев по пояс в снегу по безлюдной и затаённо-враждебной тайге и наткнувшегося вдруг ни с того ни с сего на пятизвёздочный сияющий огнями отель с полной обслугой, ожидающий только его одного – и уже не один миллион лет, – то это не будет всё же столь удивительно, как эта невероятная находка астронавтов.

Земной рай уникален и противоречит всей природе и законам Космоса, а стало быть, создать его мог только Бог. Но – с какой целью Он сделал это? И теперь им, являвшимся Детьми Бога, предстояло решить непростые задачи: для чего же Он создал Землю с её райской природой? И почему позволил её – затерявшуюся среди безжизненных планетных систем – позволить им её найти?

Нравственный закон, которым руководствуются астронавты как основой всего их бытия, не позволял им и мысли допустить, что это – подарок им от Всевышнего для их неги и удовольствия или награда за полные лишения миллиарды лет космических исследований. По законам Космоса, ни в коем случае нельзя колонизовать ни одну из планет, на которой есть хотя бы шанс возникновения примитивной жизни; и они заселяли только безжизненные суровые планеты, проникая в глубины их и обустроивая там и жильё, и огромные пространства для своих полётов и жизнедеятельности.

Согласитесь, что называть себя Детьми Бога у них есть все основания: во-первых, кроме них, не было и нет разумных (пока мы убиваем друг друга и природу Земли, нас никак нельзя назвать разумными) существ во Вселенной, а во-вторых – они выполняют все заповеди Божьи.

Перемещаются в космосе они только в случае крайней необходимости и, конечно же, не в «тарелках» или иных рукотворных конструкциях, хотя используют подобные аппараты для полётов на относительно небольшие расстояния. Надо отметить также сразу, что челночные полёты в космосе крайне редко осуществляются ими, а для нас они вообще не имеют, учитывая наш короткий век, никакого смысла. Подумайте сами: собрать многомиллионную экспедицию и полететь в какое-нибудь созвездие, за тысячу, две или десять тысяч световых лет от родной планеты находящееся, а потом потомкам космонавтов вернуться к потомкам тех, кто отправлял их в полёт, чтобы сообщить, что там, в той «дыре», куда понесла их нелёгкая, ни черта интересного нет и никогда ничего вызвавшего бы наш интерес не будет, – это нонсенс, это никому не нужно.

Для полёта к далёкому созвездию берётся похожая на нашу Луну малая планета, которая подходит для этой цели. Вынимают затем из неё ровно столько грунта, сколько надо, чтобы

обустроить её внутри для полёта двух десятков миллионов астронавтов, покоряющих космос, таким образом, в достаточном комфорте и безопасности и одновременно живущих в своём «корабле» полной жизнью, как если бы они продолжали жить на родной планете. Только такое путешествие к дальним мирам, согласитесь, и имеет смысл. Ведь длится этот вояж, имеющий целью освоение одной из дальних планет, необозримое по земным меркам количество лет, а жизнедеятельность общества и исследовательская работа путешественников идут при этом своим чередом; и никто, заметьте, не спешит пролететь куда-то там со скоростью света, потому что у них до сих пор не решён (какое безобразие!) вопрос материализации их организмов из частиц света в конечной точке прибытия.

В кратеры давно потухших вулканов встраиваются сопла мощнейших двигателей, впрочем, включаемых лишь для схода с орбиты и разгона, который обеспечит выход на расчётную траекторию движения, проложенную так, чтобы пользоваться в дальнейшем полёте гравитационными полями Вселенной. Эти поля как раз и являются той самой «тёмной энергией», без чёткого знания природы и законов которой нечего и мечтать о достижении какой-либо цели в космосе.

Безусловно, прав был русский учёный Константин Эдуардович Циолковский, предсказавший полёты в космическом пространстве огромных кораблей, вмещающих несколько миллионов человек. Но, согласитесь, столь сложное творение рук человеческих никогда не сможет быть абсолютно надёжным, а СТО и техпомощь в космосе отсутствуют. Проблемы достаточной прочности обшивки корабля, огромных запасов топлива и продовольствия, необходимых людям для многовековых полётов в космосе, откровенно говоря, выглядят неразрешимыми в реальности. Зато как раз на таком корабле, если он будет снабжён системой, имитирующей земное тяготение, можно отправиться к спутнику Марса, Юпитера или Плутона, оборудовать его для полёта к дальним созвездиям и, растворившись навсегда в квинтэссенции романтики, но находясь при этом в полнейшей безопасности под толщей породы в сотни метров, стартовать, наконец-то, в иные миры. Правда, лишь весьма далёкие потомки начавших этот проект смогут достигнуть цели такого полёта. И здесь – не правда ли? – есть большая нравственная проблема.

Ведь они не смогут уже передумать и изменить свою судьбу, так как их предки навсегда решили их судьбы в момент отлёта, лишив их окончательно и самым жестоким образом права выбора. Хотя звёздные скитальцы могут всё же поменять конечную цель своего полёта, скорректировав его, и, прибавив этим себе или убавив энное число веков путешествия, оказаться в ином созвездии; но будут ли рады и довольны они, променяв земной рай на суровую, полную лишений и тяжкого труда жизнь? Безо всякой надежды на передышку, ибо долгие века и огромные усилия потребуются, чтобы под поверхностью чужой планеты потекли реки, образовались озёра, зашумели сады и рощи... то есть возникла некоторая часть того, что было (зачем-то) оставлено на родной Земле.

Значит, можно смело делать вывод о том, что дальний космический полёт к одной из планет может быть обусловлен для нас, землян, только крайними и иначе не преодолимыми обстоятельствами и быть, безусловно, глубоко и детально предварительно осмысленным. Ведь скажите: что необходимей для человечества и реальней – превращение земных пустынь в цветущие уголки природы или создание поселений на ближайших к нам Луне и Марсе? В неизмеримо более тяжёлых обстоятельствах и в условиях ежеминутного смертельного риска. И не являются ли, вообще, эти полубезумные проекты способом растраты огромных средств? Которые можно направить на иные, полезные обществу, цели?

Вернёмся, однако, к нашим астронавтам и к острову, над которым так удивительно приятно и весело было им летать. Естественно, кое-кто может подумать, что на планете были (и есть) гораздо более соблазнительные места, чем этот северный остров; и в глубине любого из континентов, и на побережьях морей и океанов можно было бы выбрать местечко и получше.

Но то ли относительно прохладный климат и северная природа, сильно отличавшиеся тогда от нынешних условий, подходили им больше, чем упоительный юг, то ли они учитывали какие-то ещё неизвестные нам факторы, а вот именно этот остров приглянулся им больше всех.

Несомненно, что тут немалую роль сыграла не только необходимая для проведения эксперимента изолированность территории острова, но и удивительная красота дикарей из двух-трёх десятков местных племён, издали осанкой и фигурами поразительно напоминавших самих астронавтов. И в этом почти полном, если смотреть издали, и полностью исчезающем вблизи сходстве – нет ли какого-то намёка? Уж очень похожа была красота этих дикарей на, возможно, ещё предварительный, хотя, в силу самой Творящей Руки, внешне во всех отношениях совершенный набросок, но по внутренней своей сути полностью ещё Им не решённый, отложенный в дальний ящик стола и там позабытый; или, может быть, намеренно припрятанный подальше от нескромных глаз с тайной целью потом кого-то им изумить и озадачить. А может быть, специально Им сотворённый в виде вечного экспоната? Или как доказательство в каком-то остром споре? Вопросов за истекшие пару сотен тысяч или гораздо больше лет могло накопиться много, а вот ответ, похоже, склонны дать именно наши дни.

Когда Фёдор Михайлович Достоевский написал, что «красота спасёт мир», он интуитивно – что так присуще гениям – попал в самую точку, ведь физическая красота живших на Земле дикарей и побудила астронавтов спасти их от полной (неподвластной эволюции!) «темноты»; и спасти нас, их дальних потомков, от самоуничтожения может тоже красота – красота нравственная, если только ей суждено возникнуть у большинства населения Земли. И это далеко не на пустом, согласитесь, месте, так как нравственно красивых людей знает немало наша история и наше настоящее.

Одни из астронавтов считали: если таким задумал Всевышний земной рай, то только Ему известны причины этого, и нельзя ни в коем случае вмешиваться в здешний «зоопарк». А другие возражали: недаром Он задал им такую задачу, зная об их одиночестве во Вселенной и тоске, и ждёт Он от них активных действий, а не пассивного ухода от решения проблемы.

Всех нюансов и перипетий этого спора нам всё равно не передать из-за разницы в несколько порядков в нашем и их развитии, как умственном, так и духовном, но точка зрения Прометея, жаждавшего больших перемен в мироустройстве, в конце концов, возобладали, и проект его начал воплощаться в жизнь.

...И решение большинства Детей Бога легко можно понять: ведь почти наверняка никогда второй такой планеты, как эта, уже не встретится им в их бесконечных скитаниях во Вселенной. Как же было упустить такой случай?

Рай как таковой

В мифе об Адаме и Еве, их жизни в раю и грехопадении присутствует Змий-искуситель, соблазняющий Еву плодом Познания. Само собой теперь выходит, что Змий тогда соблазнил Прометея, а вовсе не Еву; но это не совсем так, а вернее – совсем не так, потому что к разгадке этого основополагающего мифа нам надо подходить, учитывая то, что он со временем подвергся наибольшей, пожалуй, адаптации к человеческой психологии и почти полностью состоит из человеческих заблуждений, обусловленных примитивизмом миропонимания.

На самом же деле образность данного мифа указывает нам на непреодолимый соблазн (искус) для любознательного носителя творческого начала – не упустить случай воплощения экспансии разума (в форме зачатия новой цивилизации), – возникающий в результате полного подавления холодной мужской расчётливости чисто женской склонностью к авантюре обманчивой слабости. А в остальном миф полностью соответствует земной ситуации, в которой многие сотни тысяч, а возможно, и гораздо более лет племена диких людей, населявших Землю, питаюсь – в прямом смысле – чем Бог послал, не обременяли себя никакими долговременными и фундаментальными проектами, которые потребовали бы от них осмысленного труда, и не осознавали земной действительности во всей её полноте.

Живым свидетельством незыблемости Божьей воли, дающей нам возможность оценить всю красоту замысла райской жизни, по земле до сих пор бродят племена, не контактировавшие с цивилизацией и избегающие контакта с ней. Более того, некоторые из диких племён, ощущающие уже на протяжении столетий мощный напор многомиллиардной цивилизации, явно тяготеют к лишающим их рая её вмешательством.

Где же тут Змий-искуситель? Почему он не приполз и не испытал на сегодняшних туземных Евах свои силы и чары? Выходит, что этот образ в действительности не так прост, как нам это всегда представлялось после чтения мифа? Безусловно, в той же мере не прост, как и сама ситуация, неоднозначно представленная астронавтам Богом-Отцом. И у нас появляются все основания подозревать, что Змий этот – на самом деле – вовсе не внешнее, а внутреннее наше искушение, с которым люди постоянно имеют дело. И выходит, что не только люди, но и отцы наши небесные.

Вряд ли бушмены, масаи, папуасы и особенно те дикари, которым до сих пор удаётся скрываться в недоступных местах, будут долго горевать, если наша цивилизация уничтожит себя в результате ядерной войны или «плодотворного сотрудничества» химиков, биологов и генетиков. Ведь ни «Тайд», ни «Калгон» им не нужны, и очень скоро – всего через пять-шесть веков – самолёты, корабли, поезда, автомобили и прочие достижения цивилизации останутся только в их мифах и легендах. Через тысячелетия (что промелькнет неслышно и незаметно, как пролетели прошлые) изменятся они в них до неузнаваемости и полной нереальности, оставшись разве что в наскальных рисунках, изумляя и озадачивая своей фантастичностью потомков. Если они всё-таки будут.

Почему прошедшие два десятка тысячелетий не изменили агрессивную сущность человека, несмотря на полное осознание в разные эпохи развития человечества лучшими его умами губительности для цивилизации насилия и зла, неизбежно ведущих человечество к самоуничтожению? Почему людям так близка и понятна тема Конца Света и Страшного Суда, в то время как возможность улучшения качества их жизни самим ходом развития нашей цивилизации демонстрируется из века в век? Неужели Всевышний таким —самым убедительным в своей наглядности – образом показывает какому-то спорщику, кому-то с Ним несогласному свою не подлежащую и так никакому сомнению Правоту? И кто же этот спорщик?

Если мы предположим, что это некое абсолютно равное Творцу всего сущего божество, то очень сильно ошибёмся, мгновенно провалившись в бездну представлений о мире полудикаря-идолопоклонника. Правда, из очень-очень древних источников нам известно, что Семаил был настолько приближён к Господу, а потому смел и самоуверен, что дерзал с Ним спорить и даже (невозможно себе представить, но это так) советовать самому Всевышнему. Впрочем, вполне возможно, что это было вовсе не несогласие, спор или совет, а высказанное Семаилом во время беседы с Богом не совсем уместное его желание, на которое Творцу надо было тут же дать адекватный ответ.

Несмотря на то, что он был, по-видимому, одним из любимейших чад Творца, Семаил, как нам известно, был вскоре низвержен и осуждён Престолом; но в то же время, таинственным и самым противоречивым образом его (Семаила) проект, возможно, в качестве постоянно кому-то демонстрируемого факта полной неправоты и краха Семаиловых воззрений, был воплощён на Земле и даже не менее двух раз возрождён из пепла – для ещё более полной, наверное, демонстрации Семаиловой неправоты. Впрочем, к вопросу «низвержения» Семаила мы ещё обязательно вернёмся, чтобы как следует разобраться, было ли это наказанием для него или, наоборот – исполнением его мечты и планов.

Что же касается Познания, то есть того самого чудодейственного, очень сложного рецепта эликсира, с помощью которого Прометей излечил когда-то дикарей острова Атлантида от «темноты» и этим запустил сложнейший и невиданный ранее процесс формирования абсолютно нового вида разумной жизни в Космосе, – что касается этого Познания, то тут мы можем говорить о полной невозможности отринуть его от себя тем индивидом, который познание в какой-либо форме уже обрёл.

То есть, если мы можем себе представить, благодаря Киплингу, что ребёнок, воспитанный волками, приобретает повадки и навыки зверя, то никак нельзя себе представить, что взрослый наш современник сможет усилием воли опуститься до уровня дикаря, вытравив в самом себе все знания и опыт, и вернуть себя, таким образом, в тот самый рай в затерянном уголке джунглей. Ведь он всё это время будет не только осознавать, что попал отнюдь не в райские в представлении цивилизованного человека условия, но и использовать свои знания и опыт, чтобы в этих экстремальных условиях выжить.

Познание и осознание никаким самообманом и хитростью нельзя отделить друг от друга и использовать лишь по собственному усмотрению. А в том, что каждый из нас, рождаясь на белый свет, начинает свою жизнь с «чистого листа», заключён, конечно же, прямой намёк, но я не хотел бы его сейчас детально и до конца раскрывать.

Родившийся в семье двух нобелевских лауреатов грудной ребёнок, попав волею случая в дикое племя, проживёт в райском неведении всю свою жизнь до завершения отпущенного ему срока. И хотя не только его безутешные родители, но и любой беспристрастный свидетель такую животную жизнь райской никак не назовёт, но её суть – подчеркнём снова: лишённую познания и осознания – сам Всевышний определил как райскую. И против такого определения нам никак нельзя что-либо возразить. Тем более, что скоро мы постигнем иную суть рая.

Есть случай очень долгого и для науки весьма плодотворного исследования жизни дикарей русским этнографом и антропологом Миклухо-Маклаем, но это подвиг во имя науки человека во всех смыслах незаурядного и значительно опередившего своё время. Понятно, что к райской жизни он не стремился и жизнь дикаря никогда бы райской не назвал. И тут нельзя нам не вспомнить другого подвижника науки – Чарльза Дарвина – и определиться, в свете вышеизложенного, с самой возможностью считать верной его теорию происхождения человека.

Ничуть не умаляя его огромный вклад в науку, совершивший переворот в мировоззрении человечества, зададимся вопросом: почему подавляющая часть представителей науки и значительная часть населения в конце концов поверили в теорию происхождения человека от обезьяны? Почему в (ничем не подтверждённый и никаких шансов на подтверждение не

имеющий) эволюционный переход из одного вида животных в другой оказалось верить людям гораздо удобнее, чем в божественное происхождение человека?

Надо признать, что мистический туман, скрывающий тайну сотворения Земли, мироздания и человека за семь дней Богом, оказывает сильнейшее влияние на психику людей. Имеющему кое-какой жизненный опыт и хотя бы среднее образование надо совершить изрядное насилие над собой, чтобы этому поверить. А те строго научные данные, что говорят о многомиллиардных сроках построения нашей Галактики, Солнечной системы и Земли, ставят человека перед выбором: либо всю свою жизнь простоять на коленях в густом мистическом тумане, воздев руки к небу, либо, прошу прощения, стать атеистом. Неудивительно, что очень многие выбирают нечто среднее, то есть верят только тогда, когда остро нуждаются в прощении либо в помощи.

Но в то же время, несомненное присутствие Высшей Силы в окружающем нас мире и вполне осязаемое Её участие в нашей судьбе явственно и вполне определённо говорит нам, что Бог есть. Вот и получается, что мистическая религиозная трактовка происхождения человека вступает в сильное противоречие с психологией человека и вызывает справедливые вопросы: почему в мире так много зла и боли? Неужели столько мук людей и торжество злых сил на земле – только из-за невинной шалости Евы с яблоком? Чем искупить человечеству этот грех? Ведь яблочко она уже давно переварила. А с другой стороны – данные науки вступают в явное противоречие с основами религии – в пользу несомненной и полной правоты науки.

Выходит, что туман религиозной мистики всегда мешал развитию человечества, а сейчас (из-за неё) противоречие между религией и наукой достигло уже опаснейшей стадии, в которой скрыта прямая угроза – угроза потери человечеством веры в Бога.

Может показаться, что исчезновение мистического тумана ударит по устоям религии и самой вере с ещё большей силой, но это абсолютно не так, потому что снятие мистических покровов с происхождения человека и максимально возможное – на каждом из этапов эксперимента – прояснение участия в этом процессе всех составляющих Троицы Сил поможет нам получить полную уверенность в существовании Творца. А это твёрдое знание – Его самого, что ни на есть реального управления всеми процессами в Космосе – должно, приведя нас к полной переоценке ценностей, изменить наше отношение к жизни своей и к жизни своих близких и дальних, к природе Земли, к самой нашей планете как части Солнечной системы, к бескрайнему Космосу и дать нам, наконец, реальную возможность почувствовать себя... малыми детьми Бога.

Снятие мистических покровов ни в коей мере не означает и какой-либо ревизии христианской религии, становление которой отмечено множеством мученических смертей её подвижников, или же какого-либо посягательства на освящённые временем религиозные обряды. Устраивать здесь любого рода реформацию – чистое безумие и окончательный уход от главной проблемы, решаемой только через новое понимание взаимодействия земной цивилизации и Высших Сил.

Уверен, что мы освободимся от мистики совершенно, если поймём, что наш Господь, полностью исключив какое-либо императивное вмешательство со стороны кого бы то ни было в процесс развития человечества на планете Земля, предоставил именно самому человеку абсолютное право выбора — между служением «жёлтому дьяволу» в ужасном самогипнозе агрессивной жадности и сознательным нравственным самосовершенствованием, примеров которого мы можем увидеть вокруг нас достаточно много и которое, стало быть, вполне возможно также и для всех остальных.

Но мистика духовно ленивому человеку гораздо удобнее, чем тягость ежедневного и непростого труда самоанализа и поиск путей добра и справедливости, прежде всего, в своей личности и своих поступках. И чтобы сдвинуться здесь с мёртвой точки, человеку требуется

пример для подражания гораздо более мощный и, главное, реально более ощутимый, чем жития святых. Посудите сами: может ли служить живым примером для широких людских масс духовный подвиг явно уникальной личности, совершённый ею при чаще всего исключительных обстоятельствах? Может ли он быть повторён вообще, а тем более – принят за эталон поведения в обществе?

Как ни странно, удивительно и совершенно невероятно, но похоже, что мощную нравственную опору для человека должно предоставить государство. Государство, в котором довелось ему родиться и жить и которое в настоящее время многие граждане склонны считать если не прямым своим врагом, то механизмом, требующим больших доработок и преобразований. И это так и есть на самом деле. Ведь госаппарат любой из стран мира наглядно и усердно демонстрирует своим гражданам двойные стандарты в части соблюдения всех законов и нравственных норм.

Привилегированное положение высшего чиновничества, оказывающиеся (почему-то!) вне всякого контроля и присмотра денежные потоки, пренебрежение законом, жизнь явно не по средствам и в совершенном несоответствии уровню жизни народа, как магнитом, притягивают в чиновную среду мошенников и аферистов всех мастей и уровней. И этот факт не может не вызывать – вместе с народным протестом, принимающим порой крайние формы, – ещё и глубоко законсервированные недоверие и антагонизм людей по отношению ко всем государственным инициативам и начинаниям. Нигилизм и цинизм граждан в отношении любого госоргана и государства в целом настолько ядовит, что любое государство, чтобы выжить, должно предпринимать порой сверхусилия вместо плавного, естественного и плодотворного процесса, возникшего бы непременно в случае любви и доверия. Но – по многим причинам – и сверхусилия эти тонут в вязкой топи клановых и личных интересов управленцев.

Всё это не только снижает эффективность самой государственной машины, но и крайне нежелательно искажает нравственный стержень народа. Поэтому должна быть очень чётко прописана в законе ответственность руководителей государства перед народом. То есть политик, прорвавшийся к власти, чтобы лишь политиканствовать, раскручивать аферы как внутри своей страны, так и межгосударственного масштаба, наживаться, а то и кровавые боины устраивать, должен твёрдо знать, что, кроме позора суда и тюрьмы, его ничего не ждёт. Это же должны понимать все мздоимцы и аферисты, так хорошо окопавшиеся среди чиновной братии.

Далеко не сразу, конечно, но через некоторое время властолюбцы и любители обогатиться на госдолжности неизбежно исчезнут, не выдержав состязания с уголовным кодексом. А государство должно стать не только надёжной опорой для своих граждан в их повседневной жизни, делах и заботах, но и дать должно своим гражданам необходимый им в быту образец реального порядка и приемлемой для всех справедливости.

Фантастика? Но вот что писал на эту тему Президент США Томас Джефферсон в пору становления страны: «Забота о человеческой жизни и счастье, а не об их разрушении – это первая и единственная законная задача хорошего правительства». Были, конечно же, подобные идеи и раньше, но во все времена, начиная от славных дней развития демократии древних греков, они встречались с упорным сопротивлением этой самой чиновной братии, жадность и наглость которой иным, кроме неизбежности наказания, способом не истребить.

Я не предлагаю так уж сразу начать снимать в Голливуде фильмы с названиями «Последний казнокрад» или «Роковой откат» и не особо надеюсь, что идея «добротного» государства, надёжно защитившего свой аппарат от жулья, будет воспринята без иронии и сарказма. Но, как ни крути, а без наведения в этой сфере порядка и придания государственности нового смысла человечество никогда не выйдет из замкнутого порочного круга, в котором само устройство государственной машины в целом и каждого её органа в отдельности даёт гражданам те отрицательные примеры, за попытки подражания которым в частной жизни государство наказывает затем их самым несправедливым и бездушным образом, преследуя их действия по закону.

И всё-таки не собираюсь ли я предложить новый вариант «Города Солнца» или очередной способ расплодить огромное количество тунеядцев, зависящих от государственных подачек? Нет, нет и нет! Амбиций создания многотомных трудов с подробной росписью действий всех госслужб я тоже не имею. Есть многосторонний и убедительный опыт человечества в деле построения государств, и он продолжает накапливаться, так что надо лишь изменить само направление действий государства, убрав из его политики мощную составляющую агрессивной жадности, чья всё себе подчиняющая сила вполне способна преодолеть благоразумие политиков, склоняющихся очень часто к балансу на грани возможного; к балансу, который продиктован им ухудшающейся конъюнктурой мирового рынка, испытывающего на себе сейчас столетиями копившийся негатив системы, основанной на сверхжадности как феномене, способном довести до абсурда экономику даже самых передовых стран. Что и демонстрируют нам периодически возникающие в них кризисы.

Ситуация в очередной раз напоминает ту, в которой праотец Авраам – как и все его современники, предки и многие поколения потомков, – попав в кризисную ситуацию или же только из страха перед возможной бедой, брал в одну руку нож, а другой вёл своего первенца к жертвеннику, чтобы задобрить этой жертвой главного идола. Но теперь мы видим, что все кровавые войны и бунты последних десятилетий не смогли задобрить Баала, и он не успокоится, пока к шее обезглавленной им России не будет вновь подключён «доильный аппарат», так славно откачивавший ресурсы страны на Запад во времена Бориса Ельцина. Потому что сейчас не нужно завоёвывать чужие страны – достаточно вполне ставить во главе их полностью контролируемых Западом людей.

А для игроков в «Монополию», имеющих практически неисчерпаемый запас фишек в виде всех земных ресурсов, остановка игры никак невозможна. И они будут вести её, несмотря на отсутствие каких-либо гарантий... и лишь пассивное, в качестве «болвана», присутствие за игорным столом мрачного и молчаливого субъекта – ядерного арсенала планеты. И тут надо сказать со всей определённостью, что легенда о некоем «вечном» персонаже земной истории (вечном Жиде) совсем не имеет в виду продолжительность жизни и вовсе никому и ничего не гарантирует. Я же предлагаю вместо этой – столь опасной – сыграть в другую игру, способную вывести человечество на качественно совершенно иной уровень жизни.

Как избежать при такой резкой смене курса злоупотреблений и создания в процессе выполнения реформ воителями с коррупцией и раздатчиками благодати небесной новой направляющей агрессивности – вопрос, прямо скажем, непростой, но при имеющемся опыте земной цивилизации вполне разрешимый.

Вернёмся же, наконец, из экскурса в наше настоящее, к основному вопросу: что это за райская жизнь, к которой подсознательно стремимся мы, убивая друг друга и мать-Землю нашу? Ведь в любой момент вкусно поесть, в любой момент прилечь поспать, в любой момент заняться сексом не получается и в раю, так как действуют там племенной распорядок и иерархия. Уйти из своего племени вдвоём и начать самостоятельную жизнь в условиях дикой природы означает скорую гибель. Наверняка тут дело не в притяжении первобытной жизни как таковой, а в том, что наш развитый внутривидовой эволюцией разум, который самым странным и невероятным образом уживается с нашим обеспеченным осознанным опытом и образованием интеллектом – причём, даже превосходя его в определённые моменты, – что этот наш природный ум никак не может согласиться с... Познанием, хоть и не борясь с ним в открытую, но создавая этим основу для нашего удивительного дуализма.

Так неужели косность «темноты» настолько сильна, что постепенно победит она «огонь» Прометея? И неужели суждено Прометею вечно испытывать муки, которые ему якобы назначили боги за якобы похищенный им у них «огонь»? И которые испытывает он на самом деле тогда, когда видит закат и гибель очередной цивилизации. Есть ли неразрешимое противо-

речие между замыслом Творца и проектом Прометея, или только потому кажется чрезмерно сложным для нашего разума этот вопрос, что ответ на него явно находится в компетенции Высших Сфер? Ведь если бы Всевышний не хотел осуществления проекта Прометея, то и не допустил бы Он, чтобы Землю нашли.

В мифе о рае сказано лишь об изгнании из него, что происходит на земле мгновенно, как только получены человеком Познание и душа, и совершенно ничего – о более страшном наказании за это. И мы с вами обязательно должны понять в конце концов, что выбор здесь намеренно оставлен за нами. Выбор, который совершаем мы в своей жизни множество раз, если посмотреть на возможные его итоги несколько шире.

Прометей

Наверняка до меня уже очень многие обращали внимание на сходство распятия на скале Прометея и его мук, принятых им от богов за помощь людям, с распятием и муками Иисуса из Назарета, потерпевшего от рук Им спасаемых. Разница здесь, если не вдаваться в детали, только в том, что орёл должен был клевать печень Прометея вечно, так как именно такой срок жизни был у того, прикованного к земной скале, Сына Бога, которого благодарные за просвещение их атланты называли титаном. И кто терпит и теперь адские моральные мучения, сравнимые с описанными в мифе и получаемые им от осознания своей вины перед Богом-Отцом и людьми, которых любил Он, как своих сыновей, тем огорчающих Его пока, однако, что никак не хотят они совместить с Познанием ещё и Высшую мораль Бога. А Иисус из Назарета, сделавший попытку силой своего духа спасти от нравственной деградации людей, – после страшных мук на кресте и смерти от укола в сердце копьём, снятия с креста и похорон – воскресает для Вечного царствования на Небесах, призванный туда как Сын Божий.

Учитывая разницу в восемнадцать тысяч лет, явный приоритет и хорошо видимое нам преимущество Прометея, заключающееся в том, что его миссия на земле неоспоримо уникальна, вполне можно воздавать ему божеские почести; и было бы странно, если бы таких сект не существовало. Хотя легко тут можно заметить и то, что нам совсем нечем (кроме наших фантазий) погасить очевидную разницу между скудными сведениями о подвиге Прометея, данными нам в образах мифов, и Новозаветными описаниями прихода и пребывания на грешной земле Иисуса Христа, которые рассказаны там для нас как вполне реальные связные события, за исключением вызывающих всегда у маловеров большие сомнения чудес.

Но эта сжатость текста мифа, я думаю, нам уже хорошо понятна и ясен процесс сокращения романа, поэмы или повести, написанных ещё в Атлантиде, до всего нескольких абзацев из-за «выпаривания» из текста в процессе переводов и многократных переписок того, что – неизбежно – со временем становилось непонятным и по этой причине само по себе из него «испарялось». Тут надо помнить ещё и о том, что первичная запись мифов и легенд происходила после тысяч лет их устной передачи друг другу – в те печальные времена, когда писать было не на чём, а искусство письма сохранялось только среди жрецов, которые и становились авторами этих устных пересказов романов, повестей и поэм, адаптируя их к восприятию своей паствы в той мере, какая оказывалась и народу понятна, и жрецам на тот момент особенно выгодна.

Однако из того, что этот послуживший основой мифа о Прометее текст (а нас интересуют только мифы и легенды, пришедшие к нам из той невероятной дали) ужался до одно-двух-страничного, ещё не следует, что он потерял что-то в своём значении для понимания причин возникновения осознанной жизни на земле.

Без подвига Прометея, заключающегося во взятии им на себя всей полноты ответственности за возникновение новой разумной жизни на Земле, не было бы и последующего развития человечества. И неуместны будут тут упреки, что он, делая это в соавторстве, естественно, со Всевышним, не создал нас лучше, чем мы есть на самом деле. Ведь мы должны быть особо благодарны ему за то, что он оставил нам радость самосовершенствования – самого увлекательного занятия из всех возможных на земле и единственного способа доведения людей до той степени морального соответствия Заповедям Бога, по достижении коей, утратив полностью повадки зверя, окажемся мы достойными выполнения грандиозных Его задач. Ну а любые попытки создания ещё какой-то религии – на основе нового толкования мифов и легенд – и поиски новых объектов для религиозного поклонения будут выглядеть полностью абсурдными после того, как мы с вами постепенно разберёмся во всех этапах созидающего нас и сейчас сложнейшего процесса, осуществляемого Высшей Силой.

Когда я несколько раньше написал о десятках тысяч астронавтов, летающих над известным нам островом, то намеренно оставил на потом уточнение того, сколько же их могло тогда летать не только над островом, но и над всей планетой, так как не хотел вот так сразу огоршить читателя настоящими масштабами этого полёта. Действительно, нам трудно себе представить, чтобы кто-нибудь из прилетевших Детей Бога отказался бы посмотреть на такое чудо, как Земля. А значит, десятки миллионов астронавтов могли, летая над всей Землёй, повторять в едином восторженном порыве: «Бог! Только Бог мог создать такое чудо!» И теперь нам ещё легче себе представить, как Слово о Боге раздавалось тогда над всей планетой одновременно.

Но почему тогда в древних текстах говорится, что Слово летало над тёмными водами, и почему вообще «темнота» так навязчиво и плотно ассоциируется с нашим земным началом? Я думаю, читателю уже вполне понятно, что имелось в виду отнюдь не отсутствие напрочь в то время нашего светила или же просто тёмное время суток, а подразумевалось тут таинственное и непонятное отсутствие всякой тяги к познанию у местных жителей, напоминавших (повторю ещё раз!) издали – самым удивительным образом – самих астронавтов. И, может быть, эта схожесть была задумана и воплощена Богом именно для того, чтобы побудить астронавтов, поборов в себе любые сомнения, заняться рискованными земными преобразованиями? А возможно и для того, чтобы показать обиженным на Него за эту земную на них карикатуру – «несогласным» с Ним, – что это самое «чуть-чуть», которое будет всё время ускользать у них из-под пальцев, может дать им только Он? Мне же кажется, что, несмотря на крайний пессимизм, внушаемый нам сложившейся на сегодняшний момент ситуацией, наш нравственный взлёт в будущем вполне возможен и что именно этого взлёта – необходимого для продолжения эксперимента и обусловленного и нашей волей, и нашими усилиями, – ждут от нас с большим нетерпением и надеждой Всевышний и астронавты.

Ввиду полной инертности, косности и нежелания меняться «темноты» пришлось начать с того, что являлось по своей сути тончайшей геной инженерией. Причём одновременно занимаясь не только устранением в организмах дикарей странных препятствий и преград, блокирующих развитие их интеллекта, но и преобразовывая растительный мир – достаточно, впрочем, разнообразный, но совсем не пригодный по своей урожайности для прокорма будущих миллионов, а потом – и миллиардов людей. Одновременно с этой шла работа по приручению некоторых необходимых человеку в быту домашних животных, обучению вчерашнего дикаря и полного тупицы и привитию ему сноровки в крестьянском труде и ремёслах; а кроме того – особый упор Детями Бога делался на то, чтобы ученик получал радость от их похвалы за хорошо выполненное задание.

Контакт у первых разумных людей и астронавтов был тогда прямой и полный, и благодаря этому мы знаем в общих чертах, как они выглядели, изображая их в виде ангелов, архангелов и серафимов; но точные изображения через такую бездну времени, войны и почти полное двойное самоуничтожение до нас не дошли. И недаром они от нас скрыты: тонкость чувств и ранимость не позволяют им открыться нам, не изжившим ещё до сих пор расовые и сословные противоречия, насмешки и ненависть к другим – просто внешне непохожим – людям. На что же тут могут рассчитывать иные, высшие существа, для которых подобные чувства и поведение просто неприемлемы?

Земные дикари, издали так напоминавшие астронавтов, оказались (при попытках обучить и развить их) полной и, как были уверены многие астронавты, намеренно задуманной и воплощённой Богом-Отцом им противоположностью.

Если вся жизнь Детей Бога, в полном соответствии с замыслами Отца их, нацелена на познание и воплощение его в конкретный результат – абсолютное совершенство, то земной вчерашний дикарь норовил плотнее набить желудок и завалиться затем под куст, с кем-нибудь за компанию, для интереса. Эта полнейшая, весьма нарочитая даже им противоположность должна была, возможно, послужить намёком астронавтам на некоторую излишнюю строгость

их рафинированного бытия, резко контрастирующего с животными радостями, испытываемыми вчерашними дикарями в их повседневной жизни. Но, может быть, это вовсе и не намёк на это и вовсе не карикатура на их затаённые желания, что могло вызвать у них недоумение и обиду, а – воплощение в жизнь планов Творца: таким образом разнообразить новыми отношениями, сложными, даже кажущимися вначале едва ли разрешимыми задачами и достаточно жаркими спорами жизнь Своих Детей, чтобы этой новизной отвлечь их как от невольно вызывающего грусть однообразия мёртвых бескрайних пространств Космоса, так и от ещё одной вечной проблемы – невозможности проникновения в глубины Его Замыслов.

Поэтому процесс никак не мог пойти так легко, как в песне, и подарить Детям Бога ту особую радость, намёк на которую мы видим в древнем мифе о Пигмалионе. На все попытки просветить её «темнота» отзывалась такой неподатливостью, что приходилось менять подходы и изобретать варианты, которые раньше и в голову бы не пришли. Чтобы не тратить чрезмерно много времени на проверку действенности различных методик и подходов, изолируя каждого преобразуемого ими дикаря на длительный срок, пришлось применить гипноз, что сейчас называется отрицательно, так как чересчур легко поддаются внушению как отдельные люди, так и толпы. Нанесение индивидуального кода на ладони рук людей избавило астронавтов от лишних хлопот и потери времени на частые сложные исследования, необходимые в связи с тем, что генетическая совместимость вступающих в брак определяла будущее их потомков, в случае если они были впоследствии послушны зову крови, не имели вредных привычек и наследственных заболеваний, не предавались пороку, не подвергались воздействию ядохимикатов и так далее, – то есть были осторожны и вели здоровый образ жизни, что удаётся (увы!) не всем.

Размышляя о явно нарочитом (карикатурном, как считало большинство Престола!) противопоставлении земных дикарей и астронавтов, которое было задумано и воплощено на Земле Богом и которое никак нельзя было поэтому посчитать чем-то случайным, нельзя нам сбрасывать со счетов и вероятность появления обусловленных миллиардами лет одиночества в бескрайней Вселенной сомнений у некоторой части вечных странников в том, что их божественная природа должна навечно оставаться единственным вариантом происхождения разумной жизни во Вселенной и что, стало быть, возможно (не зависящее от Его Воли и обусловленное уже лишь их желанием) появление разумной жизни на некой планете Икс.

И хотя подавляющее большинство присных считало такие «сомнения» полным бредом, но всё-таки сомневающимся можно понять, учитывая миллиарды лет освоения космоса и неизбежное (и навсегда!) удаление от родной планеты – полный отрыв от корней, так сказать. Кроме того, не могло не сказаться высочайшее развитие науки и техники, наряду с полной самостоятельностью действий дающее уверенность в собственной исключительности, что само по себе не может не быть признано абсолютной истиной, но неизбежно ведёт к некоторому завышению самооценки.

Так и возникла, наверное, теория, предположившая некую допустимость эволюционного развития некоей неизвестной пока популяции. Неизвестной и весьма, прямо скажем, маловероятной, но оказавшейся настолько же Им желанной, насколько бывают желанными для большинства из нас собственные дети. Может быть, именно поэтому и была создана Всевышним на Земле эта воспринятая ими как карикатура на них райская идиллия, чтобы показать на её вечном примере ограниченность любой возможности эволюционного развития без прямого руководства Господом этим процессом. А можно сказать и так: невозможность развития ими земного дикаря, при всём у них имеющемся арсенале науки и техники, в высшее существо – без внушённой дикарю этому искренней веры в Бога-Отца и полнейшего этим существом выполнения Его Нравственного Завета. Потому что именно «природное начало» в человеке – его полностью расходящийся с Заповедями атланнизм – ведёт нас через бесконечные войны к самоуничтожению, что, как мы вскоре ясно увидим, произошло-таки двенадцать тысяч лет назад на Земле.

Чтобы лучше понять споры астронавтов, развернувшиеся на темы создания Богом-Отцом уникальной природы Земли, неслучайного появления её на их пути и вариантов дальнейших их действий, мы должны представить себе со всей возможной ясностью и несравнимую с нашей многочисленность их цивилизации, и весьма заметное отличие от первоначального уклада и обычаев, которое неизбежно возникает при расселении – последовательно на одну за другой – на многие тысячи подходящих для этого планет, и, вместе с тем, продолжающиеся полёты вечных скитальцев на миллионах малых планет по необъятной Вселенной, на просторах которой «горчичное дерево», о котором рассказал нам Иисус, ещё более одиноко, чем выглядело бы одно деревце горчицы на поверхности всей Земли.

Безусловно, при всей ими горячо декларируемой верности проверенным вечностью Законам Престола, установленным Богом, различия могли возникнуть между ними гораздо большие и разнообразные, чем у англичан с американцами и австралийцами, а у испанцев и португальцев – с южноамериканцами. Но святая верность первоначальным заветам цивилизации, пронесённая сквозь миллиарды лет, не может быть тут подвергнута никаким сомнениям; и чисто условно это можно сравнить с постоянным лейтмотивом и множеством вариаций на его тему, заданную мирозданию Богом.

С точки зрения наших современников, озабоченных преимущественно выгодой любого своего предприятия, проще всего астронавтам было бы наштамповать из дикарей полностью послушных их воле роботов и поручить руководство и контроль над ними компьютеру. На самом деле такой путь не имеет никакого смысла, потому что не только повторяет фактически уже существующий расклад, но и приводит к полной потере как имеющейся примитивной индивидуальности каждого из дикарей, так и определённого тайного смысла, заложенного в саму ситуацию Господом, что совсем недопустимо.

Поэтому при более тонком, чем такая «простота», творческом подходе к этому сложнейшему процессу надо было, прежде всего, избежать опасностей штамповочного станка, конвейера либо инкубатора и не только три с лишком тысячи предков наших с острова Атлантида, но и все дальнейшие поколения людей наделить – в каждом отдельном случае – своим характером и судьбой, достигнув абсолютной неповторяемости их индивидуальностей, учитывая при этом ещё и вероятность весьма значительного (любого!) увеличения населения.

Перед Прометеем было звёздное небо с его постоянно меняющимися сочетаниями расположения зодиакальных созвездий, Солнца, планет Солнечной системы и Земли, способные обеспечить (с помощью компьютерной программы) достаточное разнообразие личностей его подопечных и их полную неповторимость; а в его распоряжении – дружная команда единомышленников, готовых трудиться с утра и до позднего вечера.

Обязательно ли для нас назвать каждого из них по имени в этом романе? И, придумав каждому особую индивидуальность и судьбу, похожие на те, что они дали нам, раскрутить сюжетные линии по полной программе? Ведь мы о них совсем ничего не знаем, и, мне кажется, не только тысячелетия, что пронеслись с той поры, и самоуничтожения наши здесь виноваты, а намеренно оставлен нам о них минимум информации в преданиях и мифах, так как не в силах мы (как тогда, так и теперь) со всей полнотой понять смысл действий и жизни существ, безусловно, высшего порядка; а без глубокого понимания любые наши фантазии будут больше походить на обидную сплетню.

Поэтому я постараюсь быть крайне осторожным в своих предположениях и нигде не выходить за рамки информации, полученной нами из древних источников. И хоть первоисточниками они явно не являются, но мы и из этой скудости (кем-то не понятого и искажённого текста) постараемся выделить давно нас интригующую истину. И пусть она будет не совсем такой, какой она нам ранее представлялась, и совершенно лишённой внезапных волшебных чудес, а также каких-то сверхъестественных превращений мёртвого в живое будет, как мы всегда это и подозревали, вся наша дальнейшая жизнь, – но зато мы получим благодаря постиже-

нию этой истины твёрдую почву под ногами и понимание того, чем надо нам заняться в первую очередь, чтобы выполнить Замысел Бога.

Наш рассказ о Прометее и его роли в нашей судьбе будет неполным и вся эта его история останется нам малопонятной, если мы вновь не вернёмся (и далеко не в последний раз!) к тому самому Семаилу, который, как это нам всегда внушали, прославился на всю Вселенную своим «несогласием» с самим Господом, за что и был низвергнут Им на грешную Землю. Так, по крайней мере, было когда-то переведено, и такой перевод дал нам полностью неверную трактовку этих совершенно достоверных и наиважнейших для нас событий.

Прежде всего, остановимся на «несогласии», и именно на том, как его воспринимает и переносит человеческая психика. Нам хорошо известно, какие жаркие споры возникают порой по сущим пустякам, и хорошо, как говорится, когда всё хорошо заканчивается, а не перерастает в серьёзные разногласия. И есть ли смысл здесь вспоминать, что дело доходит иногда до кровопролитных войн, не говоря уж о вульгарных бытовых драмах и трагедиях?

Представим же себе реакцию древнееврейского пророка на «несогласие» Семаила с самим Господом! Ведь он был глубоко верующим человеком, и такое поведение – пускай даже и одного из самых любимых чад Бога – не могло пророка не возмущать. А так как в те времена не только с бунтовщиками, но и с непокорными домочадцами поступали весьма круто, то он был, конечно, внутренне готов к любому жёсткому решению Всевышнего. И даже его всем сердцем жаждал. Мне кажется также, что тот – один из самых древних – текст, который еврейский мудрец со священным трепетом держал в руках, ему никак (даже при его отличном знании языка атлантов, что маловероятно) не мог быть полностью понятен, так как писался этот созданный ещё кем-то из атлантов текст при высочайшем уровне развития государства Атлантида, который совсем не соотносился с понятиями древнееврейского пророка, даже если предположить, что был он мудр и гениален. Вот и бросилось ему в глаза прежде всего это переведённое им несколько упрощённо «несогласие», а причины этого «несогласия» и его последствия он понять никак не мог.

Мы знаем из древних источников, что «несогласному» с Господом было дано несколько имён и что все они были поставлены в понятийный ряд тёмной силы, противостоящей Свету и Добру, между тем как заклеимённый древними пророками Семаил как раз и был тем инициатором создания разумной жизни на Земле, которого нам бы надо почитать и любить. Множество же его имён, наверное, почерпнутых ими из древнего текста, намекает нам, скорее, на то, что «несогласных» могло быть и много, а Семаила древний первоисточник выделял из них как некий рупор «несогласия» и провозглашения новых идей. А ведь каждая новая идея, однажды родившись и получив развитие на таком высоком уровне, потребует вначале непрерывного изменения старых подходов, а затем станет причиной полного переворота существующего порядка вещей.

Судя по тому, что мы можем наблюдать – как в нашем прошлом, так и в настоящем – и что мы должны прямо спроецировать уже и в невероятно древние времена, относящиеся к началу начал человечества, причиной этого «несогласия», скорее всего, должно было быть полное (миллиардолетнее!) одиночество Детей Бога во Вселенной и их затаённое давнее, в те времена прорвавшееся наружу желание самим создать себе братьев по разуму, если уж по какой-то одному Ему ведомой причине Всевышний не предусмотрел для них этой вполне невинной радости – неожиданной встречи с равными по интеллекту и морали, но имеющими совсем иное происхождение существами.

Почему бы не создать нам самим – по своему образу и подобию – своих братьев, учитывая, что необходимые знания и опыт нами давно уже накоплены? Скорее всего, здесь – в этом вопросе – должны мы искать то самое «несогласие», что послужило отправной точкой и началом создания необычной для Космоса цивилизации на планете Земля. И разве тут не становится нам ясней необходимость низвержения Семаила на грешную Землю для проведе-

ния им самим столь горячо желаемого эксперимента? И вслед ему – Души и Духа, которые в древнейших текстах считались отличными даже друг от друга посланцами Бога; но на деле это и есть тот самый – один – Дух Святой, которому Бог дал две земные задачи, суть коих мы разберём несколько позже. Теперь становится яснее, почему с такой иронией наблюдала большая часть Престола за отправкой Семаила на Землю: ведь он таким образом лишился очень близкого общения (добровольно и очень-очень надолго) с Всевышним, а взамен этого обрекал себя на тяжкую и неблагодарную работу по превращению дикаря в высокоразвитое существо, что многим казалось тогда заведомо невыполнимой задачей, которая поэтому не стоила таких усилий и риска.

Учитывая то, что человечество (на пике своего развития!) стремится самым странным образом к краху и полной гибели и что это не менее двух раз уже происходило, мы должны попытаться понять: о чём же говорит эта явная тщета усилий по созданию новой жизни в Космосе, минуя прямую Волю Бога? И что же при этом говорит людям демонстрация явной симпатии к нам со стороны Творца и благоприятствование Его всей этой Семаиловой земной авантюре? Да, наверное, то, что без напряжения всех сил со стороны человечества в направлении создания собственной нравственной красоты мы никак не сможем выбраться из тех лабиринтов и замкнутых кругов, которые сами же себе создаём и рисуем. То есть – от нас требуется глубоко осмысленное, прямое наше соучастие в грандиозном процессе создания разумной жизни в Космосе в качестве ещё одной равноправной с Триединством силы. И именно такого решения проблемы от нас и ждут. И нам пора бы о том догадаться.

Нельзя не отметить также, что, когда мы читаем далее в тексте о презрении части Царства Строгости к дикарю и о похвале, в противовес такому отношению, первобытному человеку от имени Самого Творца, то здесь опять, наверняка, проявились недостатки перевода. И речь тут могла идти о недоумении Престола, вызванном недопониманием необходимости создания Богом неизмеримо более низкого по сравнению с ними существа, очевидно не имеющего ни малейших шансов на самостоятельное развитие. Чисто условно и приблизительно это можно было бы нам сравнить (может быть, это кто-то уже и делал) с тем удивлением, которое бы вызвал у нас Страдивари, бросившийся вдруг клепать глиняные свистульки. Но это – у нас, а их «недоумение» имеет гораздо более высокий смысл, в который нам невозможно проникнуть и до конца понять.

«Презрение» же могло быть, вернее, явно было бы весьма обидным для Самого Творца, что, разумеется, совершенно недопустимо. И если что и было, так это, скорее всего, глубокое сомнение в собственных силах, необходимых для отшлифовки столь явно примитивной ещё заготовки. То есть это было сомнение в своей способности соревноваться с Богом в создании разумной жизни в Космосе. А за «презрение» было принято переводчиком вполне понятное отношение Престола к земному дикарю как, скорее, к животному, чем к разумному существу.

И тут мы подходим к наиболее трудной теме: почему же называют себя астронавты Детьми Бога? Имеет это переносный или прямой смысл?

Разберём всего два варианта.

Вариант первый, согласно которому цивилизация, приславшая на Землю астронавтов, возникла на планете Престол – согласно теории Дарвина – путём естественного отбора и постепенно достигла таких успехов, что астронавты в малых планетах, как в естественных и сверхнадёжных кораблях, летают во всей Вселенной и, возможно, даже способны создавать новые солнечные системы с заранее заданными параметрами, – этот вариант нам придётся сразу же отбросить. Ведь он не объясняет, откуда при таком «строго научном» пути возникновения жизни появился сверхдревний текст, повествующий о примитивном, но всё же сумевшем назвать себя и предметы вокруг дикаре на Земле; о споре Семаила с самим Всевышним; о посланцах из чистого света, полетевших на Землю вслед за Семаилом; о Престоле и Царстве Строгости и реакции присных на как бы непонятную для всех шалость Творца с Землёй и

создание Им на ней рая и в нём дикаря, но при этом – совершенно намеренно – по образу и подобию Божьему; о сложнейшем взаимодействии тела, Души и Духа; о симпатии к этому процессу Самого Творца и так далее.

Зададимся вопросом: неужели какой-то, из самых древних людей выбившийся в писатели автор – в очередной стадии естественного отбора – смог в очень плохо представляемые, но считающиеся нами по вполне естественным причинам примитивными доисторические времена создать столь затейливое, многослойное и как бы специально замутнённое повествование, что никогда ранее не поддавалось оно полному и ясному пониманию? И вообще – как он мог выдумать вещи, никак не пересекающиеся с бытом людей ни того времени, ни нашего?

Уточнив ещё раз, что переводы всех древнейших текстов не могли быть точными по нескольким известным нам причинам, мы можем прийти к неожиданному выводу: первоисточник был простой и бесхитростной записью хроники событий, предшествовавших появлению человеческой цивилизации, а фантастика в тексте появилась из-за невозможности сделать адекватный перевод его по причине иного уровня образования и культуры переводчиков.

Первоисточник этот, вполне возможно, был написан ещё в Атлантиде, когда можно было воспользоваться живыми рассказами самих астронавтов, полностью откровенных с атлантами; хотя тут необходимо делать некоторые скидки на то, что никак нельзя им было не учитывать уровень своих слушателей, безусловно, способных осилить лишь какую-то общую схему. Не думаю, впрочем, что и мы могли бы сейчас, в наше время, понять намного больше.

Однако мог этот текст родиться и в гораздо более поздние времена вторых колонистов, когда ещё живы были потомки атлантов, которые могли воспользоваться первоисточниками либо некими обрывками сведений, видимо, уже искажённых временем, из-за чего и получился текст несколько неясным. Но суть не в прикидках времени рождения текста, определить которое – совершенно безнадёжная затея, а в том, что в те давние и фантастические времена вряд ли могли появиться посторонние темы для фантазий, так как сама повседневность и недавнее прошлое атлантов были перенасыщены материалом, дававшим множество поводов для осмысления и воплощения на бумаге с целью закрепления навеки того, что после отлёта астронавтов неумолимо ускользало от людей с каждым годом и с каждым веком...

И, стало быть, нам остаётся лишь доверять полностью варианту создания разумной жизни на Земле, описанному в древнем этом тексте. При том, что у нас тут же возникает масса непростых вопросов, ответы на которые, если бы они были сейчас произнесены, были бы нами наверняка не вполне правильно поняты. А главное – взрослая самостоятельность, которая придаёт нам творческих сил и уверенности в себе, могла бы уступить место неопределённости и крайне прискорбной зависимости от чужой воли, к ожиданию, если не поводырей (а ими могут стать любые авантюристы!), то новых намёков Свыше, которых просто не может быть!

Надо-надо теперь нам как можно быстрее вернуться к рассказу о Прометее, а то уже вторые колонисты промелькнули мимо нас, когда мы и первых-то не видели.

Напряжённый труд команды Прометея по созданию из «царя природы» разумного человека начал постепенно приносить результаты: атланты научились использовать разум для решения насущных задач и твёрдо держаться своего нравственного стержня. Учёба стала интересовать их, а творчество – давать свои плоды. Необходимо было оставаться с ними ещё некоторое время, пока государственность атлантов укрепилась бы на острове окончательно, приблизившись к идеалу, а мораль общества превратилась бы в неприступную крепость для всех видов зла. Популяция, к тому же, была ещё очень малочисленна, и народ атлантов напоминал собой малыша, требующего постоянного внимания и поддержки.

Но слишком долгая опека имеет множество негативных последствий, исправление которых требует также огромных усилий. К тому же некоторые атланты стали вдруг проявлять совершенно неприемлемую фамильярность, возникающую порой в отношениях между учителем и учеником, вообразившим себя его любимцем. А оскорбительные косые взгляды иных

из них прямо указывали на осознание атлантами разницы между собой и астронавтами – не только во внешности – и на ставшую очевидной для них ненужность прибытия на Землю чужаков – можете себе представить – неизвестно откуда и зачем. Не звали, мол.

Дикарская суть проявилась в только что послушных и внимательных учениках, радующих учителей своими успехами, как это ни странно, с мощью, прямо пропорциональной достигнутому ими довольно высокому уровню образования. Это скорее даже было похоже на непонятное поветрие, появившееся как бы ниоткуда и набравшее всё большую силу.

Мало сказать, что это был удар ниже пояса. Настоящий боец продолжает поединок – а поединок Детей Бога с «темнотой» дикарей был гораздо сложнее, поверьте, чем все наши земные свершения вместе взятые, – невзирая на неожиданное и вдвойне обидное, когда оно исходит от ученика, нарушение правил. Но для деликатнейших, тончайших в общении с подопечными своими астронавтов это был очевидный знак краха их надежд на сотворение из дикаря высшего разумного существа за один этап эксперимента.

Вы можете сказать, что я мастер сгущать краски, что всё это не так уж страшно и со временем поправимо, но оглянемся вокруг или лучше всмотримся в самих себя: двадцать тысяч лет прошло, и много мудрости и славных дел лучших из нас, людей, пронизали и озаряют эту толщу времён, а найдётся ли хоть один, кто не проявил бы дикарской сути своей на протяжении жизни? И не один, к тому же, раз... Не в одном – так в другом.

Звериное начало, как ни маскируй его, как ни прячь за утончённостью манер, очень явственно порой выдаёт себя, как на картинах несчастного Брейгеля. И можно было бы, поспешив, решить, что вести с ним (началом) нескончаемую борьбу, меняя лишь декорации, – и есть удел человека и всего человечества. Но такое решение слишком бы упростило задачу, которая изначально, имея в виду её Сотворившего, не может быть простой и однослойной. Значит – это всего лишь один из множества её слоёв, ставший для нас наиболее очевидным.

Ко второму слою можно отнести – тоже бросающуюся в глаза – некоторую театральность протекающей как бы сквозь нас жизни. Большинству из нас в пьесе этой отведена роль статистов далеко не первого, а десятого или даже сотого плана, если рассматривать период развития государства как цельный, со множеством сцен, актов и действий, длящийся столетия спектакль. Но при этом жизнь каждого человека – отдельный спектакль, в котором он – даже при полном внешнем подчинении его судьбы кому-то – играет главную роль.

Пробившиеся на главную сцену персонажи, рискнувшие взять на себя роль публичных – всем известных и всеми обсуждаемых – людей, вызывают время от времени чувство зависти у статистов; но кто же виноват, что в своё время не хватило аутсайдеру смелости и упорства – пусть и авантюризма даже, – чтобы вырваться из своей мелкой роли, изумив этим друзей и знакомых? Хотя, надо отметить, встречаются среди нас и те, кому выйти на ярко освещённую сцену и громко произнести свой монолог мешает чувство стыда и брезгливости – брезгливости к процессу лицедейства из-за сопровождающего его неизбежно обмана.

«Весь мир – театр...», – справедливо утверждал гениальный Уильям Шекспир, попав в самую что ни на есть «десятку», так как начальный период превращения дикаря в человека не мог бы даже и состояться де-факто, если бы не интенсивное обучение его с помощью театрального действия.

Какие пьесы писали тогда для своих подопечных астронавты, мы можем представить себе, естественно, лишь в общих чертах, понимая сложность процесса воспитания человека тем более хорошо, что тайное устройство его не позволяет ему родиться с багажом знаний и опытом предыдущих поколений, и судьба каждого из нас зависит напрямую не только от воспитания родителями и наставниками, но ещё и от влияния средств доставки информации, которые стали теперь, к сожалению, – зачастую бесконтрольно и трагически, без на то морального права, – главными участниками процесса создания члена современного общества.

Мне кажется, что вопросы высокой нравственности и социальной ответственности, вопросы общественных, семейных отношений и кровной заинтересованности индивида в построении духовно и экономически сильного государства были в те времена на первом месте. В наше же время очевидно, что те, кто занялся внедрением в сознание сотен миллионов насилия, ужаса, секса, извращений и необходимости убивать, убивать и убивать, проходя уровень за уровнем, добиваются массовой деморализации мирового сообщества – и получают массовые убийства в духе американских или норвежских трагедий, кровавые по своей сути и направленные против цивилизации бунты и – как первую ласточку – группу военнослужащих США, задумавших, пройдя уровень за уровнем, добраться до Президента своей страны, чтобы убить его. Вот что получается, когда «жёлтый дьявол» обретает полную свободу, в значительной степени разрушив и продолжая разрушать человеческую мораль, – и не имеет уже (после распада СССР) никакого нравственного противовеса в мире.

В мифах и трагедиях, написанных в Древней Греции и Древнем Риме, боги наравне с людьми являются действующими лицами пьес, наблюдающими с Небес или с горы Олимп за похождениями героев-любимцев на грешной Земле. Иногда они не только иницируют действия главных персонажей, но ещё и напрямую помогают своим протеже одерживать победы, рискуя этим назвать на себя гнев Зевса, запрещавшего из соображений морали вмешательство богов в дела земные. Однако зачастую и сам Зевс помогает своим земным любимцам, вынужденно противодействуя козням других обитателей Олимпа.

Здесь, мне кажется, явно проглядывают дошедшие до нас сквозь тысячелетия и несколько искажённые временем воспоминания первых атлантов о своей – напоминавшей более всего нескончаемую пьесу – жизни в первые три с половиной века создания государства. Всем им тогда приходилось быть и актёрами, и зрителями; и театр со сцены плавно перетекал на улицы и в дома, а потом – вновь на сцену. Счастливым временем это, равноценное – по результату развития цивилизации – нашим шести или более тысячам лет и отмеченное постоянной поддержкой атлантов астронавтами, навсегда, таким образом, врезалось в память человечества в виде, к сожалению, не повторявшегося уже более «золотого века» и послужило основанием для давней «голубой мечты» людей о чуде – чуде второго наступления его на Земле и волшебной счастливой и долгой их жизни.

Знали ли Дети Бога, улетая, что детищу Их уготована вскоре жуткая судьба? Трудно сказать наверняка, но вечно терзаемая орлом печень – это образ страданий Прометея от скорбного пути и гибели подопечных его.

В одну ночь улетели астронавты с горы Богов, которая была их ночным пристанищем на Атлантиде. Сейчас всё, что осталось от неё – это остров Шпицберген. Но я не верю в то, что они знали о катастрофе заранее, тем более не верю, что это их приговор и кара; или же – уничтожение селекционером неудачного материала; и ещё невероятней, что это – карающая длань Всевышнего. Высшие Силы не занимаются смертными приговорами и их исполнением. Наше будущее полностью зависит от целей, которые ставит перед собой само человечество, и, соответственно – от логики развития цивилизации.

Голые скалы горы Богов, надёжно скрывавшие от любопытных атлантов частную жизнь астронавтов, внезапно опустели, и атланты, потерявшие в один миг опекунов, учителей и друзей, оказались в положении ребёнка, оставшегося без родителей и няньки и вместо ожидаемой от полной свободы радости получившего шок от абсолютной неопределённости своих дальнейших действий.

Благодаря хорошо отлаженной астронавтами государственной машине хаоса удалось избежать, но внутреннее недоумение, вызванное исчезновением стального сверхнадёжного стержня, который, уходя в неведомую, но очень заманчивую, обещавшую ещё больше захватывающе интересного, чем сегодня, даль, наматывал на себя аккуратными витками спирали дни,

месяцы и годы жизни – это полное, надо сказать, недоумение отзывалось теперь противной и чуть ли не ощутимо гулкой пустотой внутри грудной клетки каждого атланта.

И потом – до самого конца, до полного краха, до катастрофы – атлантам всё время казалось, что на них с горы Богов непрерывно смотрят астронавты, что вот-вот, взмахнув огромными крыльями, слетят они со своих горных высей вниз, к ним, грешным, чтобы простить их и наставить на путь истинный. А ведь это наставление и опека – вот только что! – были в полном объёме и почему-то вызывали протест в противоречивой натуре атлантов.

Мне кажется, что первое противоречие, разбившее, пока ещё только условно, атлантов на два лагеря, пролегло между теми, кто сразу искренне, горько и безутешно сожалел о полном разрыве с астронавтами, и теми, кто, поглядывая с иронией, подлой насмешкой и явным торжеством в сторону Горы, радовался своей, как они тогда считали, полнейшей теперь уже свободе.

Нельзя не заметить также, что часть атлантов, будучи и ранее не в силах воспринимать внушённую им Детями Бога, но оставшуюся абстрактной для них идею единобожия – невидимого и вовсе неосязаемого, но тем не менее где-то в непонятной для них форме существующего Творца всего сущего, никак эту свою сверхвласть над ними не проявляющего, но полного при этом Властелина всей Вселенной, – вскоре склонилась в сторону многобожия. И это тоже совсем не трудно понять: ведь громада горы Богов, возвышающаяся посреди острова, ещё хранила тепло, доброту и мудрость Детей Бога, каждый из Которых, в силу своих, безусловно, сверхчеловеческих способностей и возможностей, только что представлял перед атлантами как всемогущий и всевидящий бог.

Мы должны помнить также и о том, что совсем недавно атланты делились на два-три десятка племён, нередко враждовавших друг с другом. Взаимные обиды и злоба, нейтрализованные потоком новых ощущений, на самом деле никуда не делись: как только исчезла могучая воля, увлекавшая атлантов в ежедневную радость новизны, связанной, впрочем, и с немалым напряжением сил и способностей, обиды вернулись – не в столь острой, как раньше, форме, вызывавшей межплеменные кровавые стычки, а как бы тлеющие до времени под золой.

Кроме того, то недовольство властью, что нам так легко себе представить и что делит общество минимум на две остро непонимающие друг друга части, тоже способствовало разладу в столь монолитной ещё недавно Атлантиде. Вспомним, как дети, оставшиеся без присмотра взрослых, отнимают друг у друга и делят игрушки – и ничего более для объяснения причин распада Атлантиды на два государства нам не потребуется.

Была, правда, ещё одна веская причина... можно сказать – самая веская из всех возможных причин, которые только может представить себе человек! Но она появилась несколько позже, а потому и увидим её мы несколько позже... Я бы мог, конечно, назвать её (причину эту) прямо сейчас, но это было бы не совсем честно, потому что сам я подошёл к пониманию её лишь в процессе развития моего романа с тайнами.

Атлантида и Гиперборея

Пустота, возникшая внезапно, должна была обязательно заполниться, а для деятельности и для развития должен был появиться новый стимул. К глубокому сожалению, им стала вражда!

Посудите сами: если одни радуются отлёту, а лучше сказать – внезапному исчезновению астронавтов и славят долгожданную, как теперь говорят на каждом углу, свободу, а другие остаются верны, любят и искренне горюют по поводу неожиданного и непонятого разрыва, приведшего, как скажут позже, «к концу золотого века», – то лишь это одно способно сначала разделить общество на две половины, а потом и разбить его на две непримиримые партии с разной верой и идеологией.

А если эти новые противоречия – а мы-то знаем, насколько яростными они могут быть – оживят старые обиды и смертельную, как бывало, вражду, то и два независимых и остро соперничающих друг с другом государства могут возникнуть, как мы видим в нашей современной истории, единым росчерком пера. Тут и граница в виде горы Богов – естественное, делящее примерно пополам остров препятствие, и раньше тоже отделявшее восточные племена от племён западных, – получилась как бы сама собой. Нет, конечно, можно было бы поделить всю Атлантиду вдоль, а не поперёк, проложив границу километров на тысячу с лишком, или уж вовсе сделать всё по-современному, разбив её на десяток независимых государств, но не было тогда заинтересованных в таком дележе и в такой границе.

Гора Богов, делившая напоминаясь своими очертаниями бумеранг большой остров, была ранее естественным ориентиром и рубежом, переходить который западным и восточным племенам было жизненно опасно. В те далёкие времена горная гряда, в которой гора Богов выделялась своими размерами, была весьма малопривлекательным и труднопроходимым местом, куда мало кого заносило. Теперь же, надо сказать, положение полностью изменилось, потребовав раздела по очень чётким границам. Дело тут, наверное, в том, что астронавты, имея прародиной планету с очень суровым климатом и с избытком горных массивов и в дальнейшем расселяясь, как мы уже знаем, на полностью безжизненные, лишённые атмосферы планеты, научились в совершенстве обрабатывать любого вида камень, используя этот природный, имеющийся всегда в неограниченном количестве материал не только для строительства и монументального искусства, но и для производства разнообразных деталей машин и агрегатов, меняя для этого особым образом структуру горных пород.

Это искусство, которое алхимики нашей эры называли «философским камнем» и безуспешно пытались восстановить, астронавты передали атлантам, и теперь граница, проходящая по горному массиву, не могла не вызывать споры, но не до возникновения такой степени остроты неприязни, чтобы – вот так сразу – и палить друг в друга начать, и колоть, и резать, и душить, и бомбы взрывать. Тем более, что на континентах имелись неисчерпаемые ресурсы всех ископаемых. Значит, была для такой внезапно родившейся ненависти иная причина.

В соревновании образовавшихся при распаде Атлантиды на два государства двух разных госсистем изначально закладывается такой мощный потенциал, что развитие соревнующихся должно идти хорошим темпом и обеспечивать высокое качество всем протекающим процессам. Кроме того, в те далёкие времена весь земной шар было проще простого поделить на две половинки, как был поделён уже сам остров, и жить без забот и в своё удовольствие, то есть таинственным и невероятным совершенно образом получить снова – и уже безо всяких условий – райское существование. В нашем понимании рая – как безопасной, весёлой, полной разных удовольствий, а не тяжкого труда, жизни. Правда, надо заметить, что при всяком масштабном дележе возникает недовольство, как это ни странно, обеих сторон; и зависть отравляет после всю оставшуюся жизнь, если только не сыграет роль барьера при заключении сделки. И

если с лёгкостью можно поделить какой-нибудь простой продукт, то как же поделить пополам целый континент? А все континенты... а моря и океаны? Да тут такая вырисовывается задачка, что легче стереть с лица земли друг друга, чем столько зависти в сердце своём поместить, и к тому же – понятное дело – на веки вечные.

Согласимся, что нам легко понять тех, кто считал: стоит только всем упасть на колени, воздев руки к вершине Горы или подняв их к небесам, и взмолиться о прощении своём и возврате всемогущих и всё ведающих Отцов своих, как тут же будут прощены они и вернутся времена абсолютной доброй воли и полной защиты. Понятны нам и их вначале недовольство открыто радующимся своей свободой соотечественниками, а потом и ненависть к ним как к основной причине исчезновения мгновенно переставшего быть ощутимо для них реальным абсолютного Добра, как к непреодолимому препятствию на пути возврата желанного «золотого времени». Впрочем, нетрудно понять нам и тех, кто считал, что с лёгкостью решит все свои проблемы и будет теперь жить исключительно в своё удовольствие и безо всякого наблюдения и указа свыше.

Тем, кто имеет перед собой пример крайнего антагонизма между Северной Кореей и Южной Кореей, не нужно объяснять, как можно заставить ненавидеть друг друга даже родных братьев и сестёр. Но всех поголовно жителей страны заставить стать полными единомышленниками тоже никогда не удаётся. Продолжая свободно общаться между собой, атланты и гиперборейцы прекрасно знали о происходящем друг у друга и о планах второй стороны на будущее, а это было крайне важно ввиду начавшейся на пустом месте бешеной гонки вооружений. Это взаимопроникновение в чужие намерения и планы не было тогда результатом разведывательной деятельности или чьего-то предательства. На заре развития человечества, только что получив от астронавтов нравственный закон, островитяне не умели ещё скрывать свои мысли, не понимали вкуса секретов и тайн, а потому вели игру в открытую.

Тут надо упомянуть ещё и о том, что гиперборейцы сумели сохранить у себя систему идеального социализма, введённую на острове астронавтами, а атланты, всё более склоняясь к культу свободы как основного своего божества и подчиняясь поэтому воле стихии и праву силы, сохранив лишь основы государственности, как поплавок в бушующем океане, ударились в авантюру предпринимательства. Нам нет, пожалуй, смысла углубляться во все перипетии их совместной жизни на острове, сразу же настолько поменявшей свои цели и смысл, что все их усилия теперь вели лишь к нарастанию того антагонизма между ними, который погубит их всех через три века непримиримой вражды и соперничества.

Следует, правда, заметить, что самой острой проблемой на Атлантиде была нехватка рабочих рук во всех видах деятельности и отраслях промышленности, поэтому колонизация ближних и дальних территорий стала основным предметом соперничества и источником конфликтов островитян. Везде, где устраивали свои поселения гиперборейцы, появлялись невдалеке и атланты. Не имея в своём распоряжении столь высокой науки, благодаря которой Дети Бога привели их к цивилизации, пользуясь тем, что дикари принимали их за богов, прибывших с небес, островитяне соблазняли их девушек и женщин и устраивали большие гаремы, надеясь, что детей, рождённых от них дикарками, будет легче обучить и воспитать.

Появившимся – чтобы нагнать больше страха – на извергающих дым и пламя грохочущих воздушных аппаратах и выходящим в сверкающих одеждах к падавшим от ужаса ниц дикарям островитянам легко было уверовать в своё всемогущество и пользоваться им сполна. Но в дальнейшем эта вседозволенность обернётся для них трагедией. Хотя, надо сказать, тот их метод, что выглядел со стороны как грех и крайняя распущенность, на самом деле был единственным (и полностью оправдавшим себя) способом распространения цивилизации атлантов, доступным островитянам на тот момент. А вот надо ли было так спешить и так форсировать увеличение своей численности за счёт теперь уже насильственного вовлечения «темноты и косности» в эволюционный процесс? Причём делая это с целью получения количественного

перевеса над вчерашними братьями для обеспечения своей гегемонии в мировом процессе. Не лучше ли было, никуда не торопясь, предпочесть агрессивной конфронтации мирное взаимовыгодное сотрудничество и плавное развитие? Которое, кстати, полностью предотвратило бы ту вопиющую разницу в умственном и духовном развитии людей внутри самой цивилизации, что, возникнув в те времена из-за несовершенства метода атлантов, делит и сейчас общество на разные слои и создаёт в нём постоянные напряжения. Но когда злоба и ненависть, одолев разум, начинают диктовать действие, то получается именно то, что, в конце концов, и получилось.

Мы не можем не заметить и того, что с момента предоставления атлантам полной свободы действий истинная суть и смысл проекта Прометея стали искажаться ими самым явным и чудовищным образом. И мы увидим вскоре, с какого именно события можно считать этот проект не только утратившим первоначальную идею, но и тут же превратившимся, к сожалению, в странный процесс, преобразующий благие намерения, усилия и труд высокоразвитых цивилизаций в пепел, слёзы и ужасный цикл периодических самоуничтожений.

Однако можем ли мы считать, что Богом и Его Детьми не предусматривалось всё произошедшее с атлантами, пусть не в (иногда весьма неожиданных) деталях, а в целом? Считать, что Он и Они не могли не предвидеть всех издержек и трагических перипетий нового своего проекта, который должен был с определённой точки протекать полностью автономно? Ведь иначе ни о каком эволюционном процессе не могло быть и речи! А дело в том, что процесс создания из животного высшего существа не только получил первый посыл от Бога на острове Атлантида, но и потом остался под Его контролем – для осуществления Им время от времени необходимых корректировок его развития.

Вы можете, конечно, заметить, что какая-то слишком сложная получается в нашем случае эта самая эволюция... ведь ничего похожего мы не видим ни в мире животных, ни в мире растений; но, согласитесь, и человек – создание сложнейшее и ни с кем более на земле и в космосе не сравнимое! Требуемое поэтому и возни с ним постоянной, и пригляда. Необходимого, прежде всего, потому, что «темнота и косность» никак не могут быть пока признаны окончательно и бесповоротно побеждёнными.

Естественно, что островитяне устремлялись на новые поселения в те места на земле, которые были гуще населены благодаря более благоприятному климату. При этом они соперничали между собой и остро завидовали друг другу. Дух соперничества всегда желателен и просто необходим, но зачем же было доводить до смертельной вражды? Впрочем, это вопрос, безусловно, и сегодняшней нашей жизни тоже, в которой повторяем мы ошибки предков, как будто кто-то обязал нас делать это.

Сейчас мы можем проследить за расселением островитян по земле, используя в качестве верного признака развалины древних обсерваторий и изумляющие нас грандиозностью и мастерством обработки монументальные скульптуры и сооружения из огромных тщательно отшлифованных и подогнанных одна к другой каменных плит. Несмотря на сегодняшний высокий уровень развития науки и техники, мы не можем создать аналог тому долговечному бетону и той прочнейшей штукатурке, которыми пользовались египтяне в незапамятные времена. Но нельзя и представить себе, чтобы всё это было изобретено во времена Сета (то есть в совершенно невообразимой древности!) народом, ведущим во всём остальном образ жизни, вполне соответствующий тому периоду человеческой истории. А значит, все строительные технологии, и астрономические таблицы, и знание высшей математики, необходимое для расчётов движения небесных тел, и технология изготовления оптики, и... все прочие знания и умения прибыли когда-то на землю Африки из Атлантиды с первыми колонистами, которые, со временем размножившись, образовали в новом своём поселении касту жрецов, строго и бережно хранивших знания, переданные им когда-то астронавтами. И затем – через несколько тысячелетий – ценой больших усилий создали в долине Нила мощнейшее государство.

Были, скорее всего, у жрецов и кое-какие знания по теории гравитации, а может быть, и особые устройства, помогавшие египтянам управляться с неподъёмными тяжестями, но всё было уничтожено при разрушении варварами этой древней цивилизации. То ли в минуты крайней опасности самими жрецами, то ли безжалостными и бессмысленными полудикарями, которыми двигала яростная ненависть к высшему разуму, сумевшему создать вызывающую острую зависть модель благополучия, и волчья жадность, но никак не интерес к текстам и приспособлениям. Впрочем, кое-что всё-таки оказалось в руках у кое-кого, о чём мы узнаем, когда прокрутим роман с другой тайной. Помните, как у Маяковского: «Дорога до Ялты похожа на роман – всё время надо крутить!» Но мы с вами отправимся в места, находящиеся, конечно же, гораздо южнее Ялты, и сделаем это немного позже.

Как мне кажется, именно знания по гравитации оказались роковыми для островитян, создавших – в смертельной своей вражде и ненависти друг к другу – бомбы, использующие особым образом сконцентрированную энергию гравитации. Наверное, как средство мщения – в случае полного поражения. Последний аргумент в братском споре, так сказать. Скорее всего, взрывы именно этого страшного оружия привели к сдвигу тектонических плит и полной гибели Атлантиды. Огромные волны (цунами), поднявшиеся одна за другой при такой масштабной катастрофе, возможно, и привели к тому Великому потопу, что запомнился на многие тысячи лет всем землянам, так как значительные массы воды затопили тогда часть европейского континента на долгие столетия. Впрочем, мы никогда не узнаем – этот потоп или какой-то иной был описан в знаменитой легенде, до которой мы тоже, конечно, доберёмся в своё время.

Почему я думаю, что тогда была взорвана именно гравитационная бомба, а не была та катастрофа следствием термоядерной войны? Астронавты не могли не рассказать атлантам о крайнем коварстве атомного оружия, а атланты были достаточно умны, чтобы этот урок хорошо усвоить. Кроме того, близость двух армий на ограниченной островной территории исключала саму возможность атомных взрывов. Узнали от своих учителей они также и о безжизненности, жестокости и коварстве Космоса, в котором никто их не ждёт, и потому туда не стремились. Дел на Земле было невпроворот. Да и зачем улетать из рая?

Мне кажется, что и ракет тогда у них тоже не было, так как островное пространство было для их применения чересчур мало. Но вот остальное созданное ими оружие вполне могло превосходить по своей мощи наше современное, потому что мозг островитян работал тогда на восемьдесят процентов своих возможностей, а не на жалкие десять, как наш. Вполне достаточные, правда, для того, чтобы всё равно собственными руками готовить свою гибель. Вы вправе заметить на это, что гравитационные бомбы, при всём своём уме, островитяне всё-таки взорвали... но о том, до какой степени ожесточения и взаимной ненависти дошла перед этим вражда между ними, мы можем только догадываться.

Впрочем, разве происходившие совсем недавно войны не доходили до омерзительной жестокости и преступлений против человечности? Так неужели изгнание из рая людей, отдавших от плода Познания, не только предусматривает лишение их бестрепетного покоя и чисто животных радостей, но ещё и обрекает на непременную гибель через несколько веков или тысячелетий? Исходя из печального опыта и трагической части истории человечества, пессимисты могут воскликнуть: «Да!» Но если спокойно и объективно оценить ситуацию и взглянуть на происходившие на Земле процессы беспристрастно и без мистики, то не увидим ли мы подающего нам надежду развития и не обнаружим ли (как в нашем прошлом, так и в настоящем) достаточно много выдержанных, благоразумных людей, не допустивших бы злость, и ненависть, и беспредельную жадность в решении различного рода проблем – людей, надо отметить, увы, очень редко попадающих в высшие эшелоны власти.

Почему же наверх прорывается и руководит нами агрессивная, жестокая жадность, готовая уничтожить (в который раз!) всю цивилизацию, если не удаётся ей достичь своих целей? Почему те прорываются к власти, кто – и зачастую именно потому, что – имея огромные денеж-

ные средства и влияние, бесстыдно манипулируют сознанием, свободой и жизнями других людей? И почему мы выбираем для управления своими странами таких «героев»? Нет ли в этом ещё одной причины того, что мы шаг за шагом приближаемся к нашим даровым и тучным пастбищам, к райским кушам? Это предопределено? Разумеется, нет. Но нам самая пора принять законы, предусматривающие неотвратимость уголовной ответственности для тех руководителей государства (и прочей чиновной братии), которые пользуются властью, чтобы решать проблемы кучки богачей и самим обогащаться на этом. Строгое выполнение этих законов приведёт к качественному изменению состава власти, убрав из неё очевидных властолюбцев, аферистов, предателей и жуликов. Совершится, наконец, поворот власти в сторону экономического развития страны, интересов и нужд людей в их полной и истинной взаимосвязи, а это, в свою очередь, даст такой подъём нравственности граждан, что (то кажущаяся нам, то нет, а может, и... желанная?) предопределённость нашего возвращения к первобытной жизни в земном раю перестанет висеть над нами дамокловым мечом.

Никакой мистики, на веки вечные ставящей наше будущее в зависимость от зловещих предсказаний древних пророков, не существует. Но в нашем прошлом найдём мы вполне определённое предупреждение о необходимости выверенной взвешенности всех наших поступков и прямой ответственности за них, которая – неизбежно – либо наступает в очевидной форме прямых потерь и горьких разочарований, либо тревожит нас ощущением приближения большой беды.

Нет мистики и в наших взаимоотношениях с Детьми Бога и Всевышним, но есть между ними и нами огромная разница в интеллекте и возможностях науки и техники, пока недоступная нашему пониманию. Может быть, через две тысячи лет, а может, только через миллион годков мы сможем выйти на уровень правильного понимания смысла сотворения Богом нашей планеты и всего на ней сущего, но это – если преодолеем нынешний всех тревожащий этап. А правильное будет сказать – полный тупик нашей цивилизации.

Читателя наверняка разочаровывает то, что я не описываю подробно схватку между атлантами и гиперборейцами. Но разве ради описания батальных сцен затеяли мы этот разговор? И хотя о некоторых деталях, описанных ярко и вполне достоверно в Библии, в эпосе Индии и других народов, мне придётся вспомнить, но лишь как о давно и всем известных фактах, правда, несколько искажённых временем. А фантазировать на эти темы при наличии обширной голливудской фильмотеки, поверьте, не имеет смысла. Потому что в этих фильмах настолько полно и реалистично отображены все способы убийств – не только применявшиеся когда-либо в действительности, но и изобретённые злобным воображением авторов, – что превзойти их никто и никогда не сможет.

К моменту гибели Атлантиды некоторые колонии островитян были уже довольно многочисленными, но высокотехнологичных производств и своих научных баз не имели, так как их главной задачей было увеличение числа населения и его обучение, что было достаточно сложным и кропотливым делом. Гибель родного острова – а вместе с ним и всей промышленности – поставила колонистов в очень трудное положение: у них были самолёты и вертолёты, были корабли, но лететь и плыть на них можно было либо в один конец, либо на прощальную прогулку, так как топливо и запчасти во время войны перестали поступать. Нужно было с нуля создавать заводы и фабрики, занявшись их строительством уже в самих колониях, а человеческий материал там для этого совершенно не годился: все инженеры, конструкторы, все квалифицированные специалисты, вся научная элита и все опытные рабочие, значительная часть которых была подготовлена в новых колониях, погибли при катастрофе на Атлантиде, не оставившей ни одному обитателю острова ни малейшего шанса на спасение. Кроме того, волю и ум колонистов полностью парализовал страх, так как почти все они считали гибель Атлантиды целиком справедливой, заслуженно обрушившейся на них карой богов. И очень трудно будет угадать нам, сколько потребовалось столетий, чтобы преодолеть поразившую всех островитян

жуткую депрессию, вызванную страхом постоянного ожидания полного уничтожения, и начать процесс возрождения – из растворённого в океанских водах пепла и воспоминаний о былых временах.

После пережитого шока постепенно возникли и организовались касты жрецов из атлантов и гиперборейцев, призванных хранить и умножать оставшиеся знания и сохранять полную власть островитян в колониях, что постепенно становилось всё более непростым делом. Потому что только очень небольшая часть из воспитанников колонистов оказывалась способной не то что к высшей деятельности, но и к простому труду; и колонии островитян всё больше и больше «обрастали» «человеческим браком», вначале доставлявшим им много забот, а затем ставшим и угрозой жестоких набегов и даже полного уничтожения колонистов.

А надо было начинать ещё и многотрудный процесс становления и развития возникавших на месте колоний государств, весьма осложняющийся враждой островитян между собой и враждебностью большей части дикарей к островитянам. Хотя благоразумия у выживших атлантов и гиперборейцев, получивших только что горький урок гибели родного острова, хватало для того, чтобы не начинать новые войны между собой, но не было и речи о прощении друг друга и о сотрудничестве. Так как не был сделан ими главный вывод – о недопустимости злобы и ненависти в человеческих отношениях, – то и крайний антагонизм между вчерашними братьями и сёстрами остался и с фатальной неизбежностью привёл их к почти полному самоистреблению в не таком далёком будущем.

«Осколками» Атлантиды и Гипербореи, если так можно назвать их многочисленные колонии, были на то время усеяны все континенты Земли, за исключением Австралии, возможно, имевшей в те времена уж очень неблагоприятный климат. А может быть, австралийские дикари, не обращая никакого внимания на чудесные появления незнакомцев с небес, просто любили закусить колонистами, предпочитая их местной фауне. Но мне кажется, что дело здесь совсем-совсем в другом.

Прежде всего, атланты и гиперборейцы, соревнуясь друг с другом в создании новых колоний, были, по-прежнему, очень ограничены в людских ресурсах, создавая свои поселения иногда из двух-трёх десятков островитян, и даже только по одной этой причине не могли они, так сказать, объять необъятное. А во-вторых, они могли (и так, скорее всего, и было) договориться между собой не трогать этот континент, обладающий уникальной флорой и фауной, сохранив его как загадку природы или – правильнее будет сказать – как явную демонстрацию способности Всевышнего к созданию абсолютно любых форм живой материи и использования для этого естественного отбора и эволюции как нужных Ему инструментов. Но не более того...

Надо также заметить, что гиперборейцы и атланты могли в те времена воспринимать Австралию только как чудо Всевышнего, потому что атеистов среди них быть не могло. Посудите сами: ведь они буквально только что были поставлены перед фактом своего создания посланцами Всевышнего, и никакие наши сомнения, обусловленные временным и информационным разрывом и явным противоречием между научными фактами и религиозной мистикой, им были неведомы. И, стало быть, вполне могла в те времена быть подписана ими конвенция о категорическом запрете какого-либо внешнего вмешательства в природу этого континента, представлявшего собой загадку Бога для людей.

Коснувшись темы сплошной религиозности колонистов, мы не можем не увидеть огромной разницы между нашей робкой верой в Бога и их полной уверенностью в Его существовании. И тут сам собою возникает каверзный вопрос: как же это они – казалось бы, обязанные иметь тот уровень морали, который должен был бы у них быть обеспечен полученным совсем недавно ими духовным багажом от лучших из учителей, каких только можем мы себе вообразить, – как они смогли настолько погрязнуть во взаимной злобе и ненависти, что почти полностью уничтожили друг друга? Вопрос не праздный; и не только прискорбный случай с Авелем, не только Каинова печать на челе человека, который ведёт уже на многие миллионы

счёт своим жертвам, даёт на него ответ, а и коренное злоеющее противоречие между духовным багажом человека разумного и его разумом и инстинктами дикаря, трагически берущими зачастую мгновенный перевес.

В те стародавние времена, в самом начале развития людей это можно было бы посчитать чем-то неизбежным – чем-то вроде дани первобытному началу с характерной склонностью к вспышкам неконтролируемой ярости. Но можно ли и сейчас, в наше время, всё тут списать только на эту причину, хорошо зная, что кровавые войны в наши дни возникают явно из холодного расчёта – и лишь потом начинают нарастать, доминируя над моралью и разумом, мощные чувства? И не надо ли нам здесь потому копнуть несколько глубже, что во все времена и во всех случаях находилась (и находится!) всему своя конкретная причина?

Особая причина, которую никак нельзя списать на некий неустранимый в земных условиях дефект нашего сокровенного устройства, а объяснить можно только нашей духовной ленью, которой предаёмся мы обычно без угрызений совести и без видимых для себя последствий. И самая пора нам задуматься о тончайшей разнице, которую упорно не хотим мы замечать: разнице, лежащей между самой горячей нашей верой в Бога как в воплощение Добра и Гаранта спасения всех праведников, и непреклонным нравственным законом в душе, которым нам всем давно пора бы обзавестись. Мы увидим тогда, что Всевышний явно предусмотрел получение нами нужного Ему результата – через установление нами для себя внутреннего полностью осознанного запрета на убийства и аморальные поступки, а не через бесконечное ожидание того, что, явившись с небес, преобразит нас волшебным образом Бог-Отец. И пока мы это не осознаем – мы не сможем выйти из ставшего для нас привычным порочного круга.

Конечно, о необходимости нравственного саморазвития известно нам давным-давно, но как же становится обидно, когда подумаешь о том, что от совершенно удивительной судьбы мечтающее о ней впустую человечество отделяет всего одна – вполне преодолимая – грань, не имеющая под собой никакой мистической подоплёки!

Но вернёмся к «осколкам» рассеявшегося почти по всей земле задолго до ужасного взрыва нашего острова и отметим, что даже в наиболее крупных из них, имевших до катастрофы вполне процветающий вид, не было после этих трагических событий никакой возможности для скорого возрождения науки и техники Атлантиды довоенного уровня. Специфика колоний и острый дефицит обученного трудоспособного населения, проявившийся теперь в ещё большей степени, чем до войны на острове, не только не оставляли надежд на сохранение высокого качества жизни колонистов, но с полной очевидностью предрекали им скорое сползание с вершин цивилизации к почти что первобытному существованию.

Нельзя сказать, что колонистам приходилось всё начинать с нуля, но имевшихся у них обрывков знаний – при почти полном отсутствии средств производства – хватало теперь лишь на то, чтобы будоражить воображение и пробуждать мечты. Основными задачами являлись сохранение костяка колонистов, превращаемого в особую касту, восстанавливающую и умножающую знания, обучающую своё потомство и наиболее способных из неожиданно (каким-то, прямо скажем, чудом!) проявивших склонность к обучению дикарей, возрождение в колониях самого необходимого производства на основе имевшихся примитивных ремёсел и обеспечение безопасности племени. Пока ещё лишь племени, потому что до построения мощных государств должны были теперь пройти многие, многие тысячелетия.

Ведь мы хорошо представляем себе, что металлургия, например, могла бы тогда начать возрождаться только с самых примитивных плавок и получения металлов и сплавов в очень небольших количествах, потому что, если и оказывался среди колонистов человек, имевший достаточно полное научное представление обо всём процессе, начиная с поиска залегания руд и заканчивая всеми тонкостями выплавки и обработки металлов, то, чтобы построить хотя бы очень небольшое предприятие, ему потребовались бы кадры того уровня подготовки, что появились... только через семь тысяч лет развития второй земной цивилизации. Легко нам

понять и то, что племя, выплавившее металл и начавшее производство из него оружия и всех необходимых в быту изделий, не только получало тогда преимущества перед другими, но и оказывалось в окружении чёрной зависти и злобы такой степени концентрации, которая приводила иногда к полной гибели первопроходцев.

«А куда же девалось то оружие и оборудование, те вещи и предметы, что должны были, безусловно, быть и после войны не могли не остаться у колонистов?» – спросите вы. Да были, конечно же, у первых колонистов и электростанции, и всё, что обеспечивает наш комфорт сегодня, и оружие было; но вся цепь высокотехнологичных предприятий, которая необходима для производства патрона, подшипника, утюга... и прочих изделий, была стёрта с лица земли вместе с островом Атлантида, на котором и была сосредоточена, за исключением небольших учебных цехов в колониях, вся промышленность островитян.

Долго ли может проработать электростанция без запчастей? Сколько нужно столетий, чтобы все по разным причинам переставшие служить вещи превратились в труху и исчезли? Ответы на эти вопросы мы можем получить при желании; и очень хорошо – на примере развития нашей цивилизации – мы представляем себе ту бездну времени, что проходит от создания первой плавильной печи или же кузницы до организации современных нам производств. Давайте же представим себе и то, что у колонистов довольно долгое время должны были быть в достаточном количестве и изделия из металла, и металлолом, из которого можно было ещё долго выковывать в примитивных кузницах (которые, получается, появились у колонистов гораздо раньше, чем возникли у них первые плавильные печи!) те изделия, в которых появлялась нужда. Но с течением столетий эти остатки металлоизделий и металлолом должны были неизбежно подойти к концу – и вот тогда-то и появилась необходимость вспомнить, как и где можно добыть руду и как соорудить примитивную плавильню, которой пользовались люди до создания домен и мартенов ещё очень долгое время.

Я хочу сказать этим, что основы знаний, полученных когда-то людьми на Атлантиде, никогда не исчезали, как не может исчезнуть само Познание, а, вначале сохраняясь среди колонистов, а затем среди жречества – из едва-едва тлеющих порой, как угольки в потухшем костре – возрождались они и, представляя собой надёжный фундамент, давали возможность человеческому гению вновь «изобрести» то, что, наверняка, было изобретено уже нашими невообразимо далёкими предками во времена первой и второй земных цивилизаций. И вы меня ужасно огорчите, если вдруг вообразите, что это сам Озирис-Прометей показывал когда-то аборигенам, где и как правильно устроить плавильную яму, чем и как загрузить её, чтобы выплавить чудного звучания колокол или большого калибра пушечный ствол; он никогда не давал знания на столь примитивном утилитарном уровне.

Примитивизацией полученных когда-то от него знаний и нравственных норм занимается человек, что приводит его к большим, очень большим и... грандиознейшим неприятностям! И не решайте, прошу вас, заранее для себя, что в случае ядерной войны, каким-то чудом выжив, вы тут же поспешите, пока свежи они в вашей памяти, возрождать высокие технологии и будете... «рассекать» земное послевоенное пространство на джипе, а не на колеснице. Ибо после такого апокалипсиса никто никуда не спешит, а вся ваша энергия, если удастся вам уцелеть, будет направлена только на то, чтобы выжить самому, обходясь без электричества, газа и водопровода, и продолжить свой род. Впрочем, обо всём – по порядку!

В очень плохом положении оказались небольшие экспедиции, которые теперь были полностью отрезаны от крупных баз. Через некоторое время дикари, не находя более подтверждения божественному происхождению элиты, правящей ими, истребили мужскую часть экспедиций в тех колониях, где подвели меры безопасности, и жёны островитян достались теперь самым сильным из дикарей. Тут уже эти женщины ощутили себя Евами в полном соответствии смыслу известного нам мифа: дать своим новым детям знания и воспитать их – значило лишить их рая, а оставить их в «темноте» не позволял им «Змий-искуситель».

Читатель легко поймёт, насколько просто было судьбе, выражаясь фигурально, потушить эти возникавшие таким образом слабенькие «огоньки» Прометея. Хотя некоторые из них со временем развились в сильные племена, обладавшие примитивным знанием, ставшие настоящим бичом древних государств и в конце концов погубившие их – разгромив их армии, разрушив города и уничтожив касты жрецов, особо ненавистных варварам, которых приводили в ярость непостижимые для них мудрость и знания, комфорт и высшая организация жизни сумевших добиться успеха соседей.

Можно увидеть в этом Божью кару за насилие островитян над дикарками и наглое себе присвоение ими роли богов, но давайте будем следовать логике. Если бы Всевышний хотел воспитывать людей неотвратимостью своих наказаний за проступки, то логично было бы сразу уничтожить оступившихся столь серьёзным образом колонистов – молнией, или потопом, или извержением вулкана, или землетрясением, или же другими стихийными бедствиями, всегда, по мнению человека, имеющимися в распоряжении Высших Сил. А тут потомки одних были убиты через сотни лет, других – через тысячи. Где же воспитательный эффект? Получается, что произошедшие несчастья – вовсе не кара свыше, а следствие логики событий, предопределённой стилем поведения и ошибками человека. И давно уже замечено, что беспрестанные кровавые войны и стремление к созданию сверхоружия не могут не вести нас (в том числе совершенно невинных и протестующих!) к самоуничтожению.

В чём действительно можно увидеть волю Бога, так это в ограничении Им нашей возможности использования полного потенциала нашего мозга. Мне кажется, что это было сделано Всевышним для того, чтобы процесс нашего нравственного самосовершенствования, который мы откладываем на потом, не был бы так трагически, как в предыдущий раз, опережаем нашими успехами в создании различных видов вооружений; чтобы у нас оставалось время, нравственно созрев, понять, что смысл нашего создания Богом вовсе не в нашем стремлении достигнуть максимального комфорта и удовольствий, променяв не только чистоту, но и саму жизнь окружающей нас природы на прогресс и его плоды, – смысл в чём-то ином.

А если я попал в своих рассуждениях не туда, и это ограничение, которое существует де-факто, задумано для иных целей, то – для каких? Ведь гибель повторных государств атлантов и гиперборейцев – теперь уже почти через восемь тысяч лет развития, но в такой же по накалу ненависти братоубийственной войне – и наше сегодняшнее – через двенадцать тысяч лет после второй катастрофы – опасное зависание на грани ядерного конфликта показывают нам, что и десяти процентов мощности нашего мозга, наверное, для нас многовато. Но опустить планку ниже этой метки, рискуя сделать нас идиотами, значило бы исказить смысл всего проекта.

В то же время мы видим, что, хотя традиционно в обществе гораздо меньше желающих развивать свой мозг и творческие способности, чем качать мышцы, но пределов здесь, как и в спортивных тренировках, нет – и современная наука достигла поистине фантастических высот, открывающих нам невиданные ранее горизонты. Так что мы не можем заподозрить, что нас хотели бы ограничить в развитии интеллекта, навсегда обрезав нам именно этот путь. И одновременно нам становится всё ясней, что в нашей наивысшей точке развития людям придётся снова держать экзамен безо всяких подсказок и корректировки свыше, которые – в «момент истины»! – не предусмотрены и совершенно невозможны. И если Высшей Силой задуман для нас ещё не один экзамен, то нам-то, нам-то... не пора ли нам спохватиться именно сейчас! И вспомнить о нравственном законе, данном нам изначально.

На этой печальнейшей ноте подошли мы, между прочим, к, возможно, единственному научному доказательству участия Бога в нашей судьбе и Его любви к нам. Ибо – кто же ещё может держать планку ограничения для нашего мозга, достоверно установленного наукой? И сделано Им это, вероятнее всего, для того, чтобы мы смогли успеть вместо очередной сверхбомбы изобрести могучий стимул для взлёта морали. И, конечно, ничто не может быть в этом случае более действенным, чем данные людям давным-давно Заповеди, исполнение которых

нами, если мы заставим себя вспомнить их сейчас, вполне способно помочь нам предотвратить очередную гибель цивилизации. Возможно, последней, так как оружие наше уже столь чудовищно мощно, что, по оценкам учёных из многих стран, в случае возникновения тотальной ядерной войны шансов на выживание не будет у всего человечества.

...Разве смерть наших родных и близких может быть нам безразлична?

Читатель, мне кажется, вполне уже может представить себе, как в течение многих тысяч лет – в непрестанном соперничестве и войнах между атлантами, гиперборейцами и варварами – происходил процесс становления новых государств и их развитие, сопровождаемые гибелью старых объединений племён и народов. Как потом – в результате войны с применением уже и ядерного оружия – исчезли навсегда почти все эти называемые иногда по старой памяти Новой Атлантидой и Новой Гипербореей государства, находившиеся как на всех почти континентах, так и на крупных островах; и как потом лишь немногие из оставшихся в живых благодаря крепости пирамид колонисты второй волны смогли вновь создать жреческие касты – сначала в Египте, а затем и в ряде других чудом уцелевших остатках государств практически полностью погибшей второй земной цивилизации.

Может быть, я чересчур сконцентрировал информацию о периоде в восемь тысяч лет в предыдущем абзаце, и надо подробнее остановиться как на деталях жизни колонистов и их воспитанников, так и на причинах, по которым их застарелая неприязнь закипела и взорвалась. Но надо заметить, что я не склонен останавливаться на тех деталях их жизни, которые легко можно вообразить, основываясь на нашем богатейшем опыте, – и потерять из виду основную тему, отвлекаясь на увлекательные сюжеты и оживляющие картинки жизни наших предков. Разумеется, атланты и их прямые потомки не могли внешне не отличаться вовсе от своего окружения в Египте и от нас тоже, учитывая необычность их происхождения и достаточно долгий прямой контакт с Детьми Бога; но нас должно интересовать не это, а прежде всего то, каким же образом злоба, ненависть и агрессивная жадность, погубившие когда-то атлантов, отлично сохранившись и перетекая из столетия в столетие, несмотря на наше внутреннее их отторжение и неприятие, остаются и сегодня присущими даже наилучшим из нас?

Господа! Если начинать нам отсчёт от момента гибели второй Атлантиды – а никакой другой точки отсчёта у нас нет, – то получится, что и двенадцать тысяч лет не смогли нас вразумить. И дело тут не в том, что некий мистический срок сейчас подходит к своему концу, а в наших ужасных традициях, которые обрекают нас на решение главных наших проблем силовым путём.

Были ли среди верхушки Древнего Египта – и через многие века после апокалипсиса – прямые потомки атлантов? Если судить по форме черепов некоторых из найденных археологами мумий, а также по сохранившимся изображениям фараонов и жрецов, то характерная удлинённость задней части черепа может намекать на наличие в те древние времена какой-то особой породы человеческой, которая могла вести своё происхождение как раз с того самого острова. Хотя мы и сейчас иногда встречаем людей с несколько удлинёнными затылками... – но это явно не та порода, и не ищите здесь какой-либо связи с атлантами, тайный чей-то замысел или цель: их нет!

Но почему, уцелев тогда сами и сохранив научную информацию, ограничились они возведением пирамид, огромных изваяний и величественных храмов, а не стали возрождать науку, технику, высокие технологии? Может быть, потому, что двух предыдущих почти всё истребивших войн оказалось им достаточно, чтобы образумиться? Наверное, так это и было. Получается, что пришло к ним отрезвление после кровавого пира, горчайшее из возможных, пришли страх и желание пожить на земле в своё удовольствие самим и избавиться от угрозы самоуничтожения будущие поколения. Пускай не удалось запугать варваров гигантскими сооружениями, и периодических нападений полудикарей не удалось избежать, но стрелы, мечи и копья, атаки боевых колесниц и всё сметающих на своём пути боевых слонов – это всё-таки

не метание с неба сверхмощных атомных бомб, после разрывов которых не остаётся ничего живого.

Во время ужасной катастрофы на острове Атлантида сдвиг тектонических плит, произошедший, по-видимому, от взрыва гравитационной бомбы, стёр с лица земли всё живое и все сооружения, а хлынувшая следом бушующая вода смыла и затопила всё, что ещё оставалось на поверхности. И, таким образом, никаких следов цивилизации, кроме редких обрывков знаний у первых колонистов, не осталось тогда вовсе. Иной характер носила вторая война между атлантами и гиперборейцами; и хотя выходит, что почти все государства обеих сторон были уничтожены тогда полностью, но на территории Египта удалось атлантам не только уцелеть, но и сохранить достаточно большой объём разнообразной информации.

Безусловно, главную роль при этом сыграли пирамиды, которые вряд ли строились единственно с целью спасения в ядерной войне: они являлись – как и другие огромные сооружения и рельефные изображения различных символов, размещённые на гигантских площадях, и громадные скульптуры на острове Святой Пасхи, ориентированные на одну кому-то хорошо известную точку на небе, – немым призывом к покинувшим землю астронавтам и выражением крайней тоски по «золотым временам». Так или иначе, а именно в пирамидах, на мой взгляд, удалось уцелеть некоторым потомкам выходцев из Атлантиды.

Конечно, после долгого периода полной заброшенности многие пирамиды могли обветшать или даже превратиться в руины и потом ещё не раз ремонтироваться и перестраиваться, прежде чем кому-то из фараонов пришло в голову оборудовать в большой пирамиде усыпальницу для своего забальзамированного тела, чтобы в таком виде «дождаться» возвращения всемогущих астронавтов, способных, как они были уверены, оживить любой труп и вдохнуть в него душу. Постепенно это вошло в моду, и не только фараоны и главные жрецы, но затем и вельможи помельче и просто богатые люди стали строить себе ещё при жизни усыпальницы и оплачивать будущее бальзамирование. То, что вера в возможное воскресение существовала за много тысяч лет до единственного достоверно известного нам воскресения Иисуса Христа, подтверждают нам и легенда об Озирисе, и другие легенды и сказания.

Но почему же атланты исчезли с лица земли, почему вымерли? Мне кажется, что после двух почти полных самоуничтожений, после осознания своей всеобъемлющей вины перед Отцами своими и из-за непонимания того, как и чем эту вину искупить, впали они в столь глубокую депрессию, что больше жаждали смерти, чем жизни. Моё предположение в некоторой степени подтверждает и этот престранный культ мёртвых, воцарившийся на очень долгие времена в стране бога Атона. Всё-таки – бога Солнца, а не преисподней.

Должны ли мы быть благодарны последним атлантам, однажды решившим уничтожить всю научно-техническую информацию? Конечно, энтузиасты науки и – особенно – ценители романтики поиска всяческих тайн не могут быть довольны их решением, но, по-моему, после двух ужасающих катастроф, о которых, в отличие от нас, прямые потомки атлантов знали решительно все детали, жрецов вполне можно понять. Да и наше время, благодаря их решению, длится уже на четыре тысячи с лишком лет дольше. Понятно, кроме того, что, уничтожая до этого бережно хранимые ими книги, кассеты, диски с записью поистине бесценной научной информации, полученной ещё от астронавтов, и знаний, добытых самими колонистами в результате тысячелетних изысканий, древнеегипетские жрецы заботились об отдалённом будущем всего человечества, а не о своём или даже своего потомства, так как очевидно, что потребовались бы многие и многие столетия на воссоздание довоенного уровня высоких технологий.

Хотя нужные знания и были тогда сохранены в достаточном объёме, но требовалось ещё родить, воспитать и обучить не одно поколение тех, кто смог бы разобраться в имеющемся объёме информации, построить заводы и фабрики и потом работать на них, производя качественный продукт. И всё это, как убедил жрецов бесценный жизненный опыт предыдущих двух

попыток, всего лишь для того, чтобы, пройдя через очередной этап бурного развития новой цивилизации, вновь погибнуть в страшной ядерной войне.

И, наверное, потомки атлантов решили тогда, что вместо старого своего метода – прививки высоких знаний на дикий подвой – нужно попробовать гораздо более медленный, но зато, как им представлялось, и гораздо более безопасный способ постепенного развития науки и культуры и начать их теперь уже ненавязчивое распространение с самых азов, которые будут затем развиты естественным образом теми, кто получил часть начальных знаний до войны и остался жив. Но теперь мы уже хорошо можем видеть, что на самом деле это дало нам только отсрочку. И дело тут вовсе не в том, будут ли знания получены человечеством в течение нескольких веков, или пройдёт свой путь цивилизация к их вершинам за двенадцать тысяч лет, а только в том, сможет ли человечество, подходя к пику своего развития, понять, что его (человечества) дальнейший путь возможен только в том случае, если христианская мораль в душе человека будет сильнее, чем бушующие в нём страсти.

Кроме библиотеки художественной литературы и учебников, которые могли дать знания уровня средней школы, были сохранены знания по технологии обработки камня и некоторые знания, необходимые жрецам, чтобы управлять народом. Сохранены были сведения, раскрывающие тонкости создания разумного человека Высшей Силой, и кое-какая тщательно зашифрованная информация высшего порядка. Ещё жрецы бережно хранили знания по астрономии, так как свято верили в то, что развитие этой науки позволит им когда-нибудь вновь связаться с покинувшими когда-то Землю безо всяких объяснений и обещаний Детьми Бога.

Были ли во время той войны где-нибудь ещё в мире, наряду с египетскими пирамидами, другие хранилища информации? Ведь есть явные признаки существования древних поселений колонистов на американском континенте и на территориях большинства государств Европы и Азии. Мне кажется, было бы ошибкой предположить, что уцелевшие жрецы всех стран могли после столь ужасной войны договориться между собой об уничтожении знаний, которые привели цивилизацию к такому страшному концу... А если бы что-то и было где-то ещё – не в Египте – спрятано, то непременно было бы оно за эти тысячи лет кем-нибудь обнаружено и обнародовано.

Но почему колонии атлантов, основанные ими на американском континенте, так сильно отстали в своём развитии от европейского уровня жизни, что испанцам их жители показались полудикарями? Я думаю, дело в том, что не только все колонисты-атланты погибли там в войне, но и наиболее «продвинутой» часть их учеников была уничтожена сразу после катастрофы массой недовольных, как той ужасной войной, так и колонизацией их атлантами. То есть вечная «темнота и косность», воспользовавшись гибелью своих просветителей, попыталась освободиться от Познания навсегда, но вместо этого оказалась навечно в плену полужизни, обернувшегося, с одной стороны, кровавым мракобесием, а с другой – вечным покорным и трепетным ожиданием возвращения своих богов.

Остались ли в живых после войны у них достаточно грамотные специалисты по основным направлениям науки, техники и производства? Возможно, что они в небольшом количестве и были – и было в первое время кому и в телескоп посмотреть на звёздное небо, и сложную операцию сделать, и какие-то необходимые расчёты математические произвести; а больше всего сохранилось строителей и мастеров по обработке камня и резьбе на нём, так как именно этому обучали в первую очередь тех полудикарей, которые получили Познание самого первого – начального – уровня. Это-то искусство и сохранилось очень надолго, тогда как более сложные виды деятельности, выходящие за рамки ремёсел, требовали наличия не только учителей высшего уровня, но и способных воспринять эти высшие знания учеников, которые появились (благодаря египетским инъекциям основ наук в известные им по довоенной географии страны) даже в Европе и Азии, как мы видим из нашей истории, лишь относительно недавно.

Поэтому во всех видах сложной деятельности (сохранившихся кое у кого каким-то образом) остатки знания начали постепенно исчезать вместе с последними их носителями. И всё, что пытались ещё по памяти повторять полудикари (рассматривая в телескоп небо, пытаясь запустить в работу станок или желая сделать сложную хирургическую операцию), превратилось во всего лишь пустую и бессмысленную имитацию тех процессов, которые весьма долгое время ещё помнили они как дающие очень нужные всем результаты. Даже письменность на долгое время прекратила своё существование, потому что исчезла бумага и те, кто мог её произвести.

И тут нам самая пора обратить внимание на то, что в том городе Древнего Египта, который был построен в форме треугольника в дельте Нила и прозван людьми «золотым», потому что, по свидетельствам современников, крыши и стены его домов были выложены листами чистого золота, так сиявшего под лучами солнца, что у местных жителей постоянно из глаз шли слёзы, – в том самом городе, столь знаменитом, что о нём ходили легенды, жрецы местных храмов предлагали приезжим зевакам и купцам приобщиться к чтению неких древних текстов, которые они хранили в храмах. Поэтому в те баснословно давние времена торговцы, кочевники или путешественники, которые были любопытны, знали грамоту и не ленились, могли познакомиться с литературой атлантов и колонистов, а также получить некоторые первичные знания по математике, физике и астрономии.

Я думаю, что золотые украшения города Он были в нём именно для того и заведены, чтобы привлечь туда как можно больше людей со всего света. Людей, конечно же, способных не только оплатить многомесечные путешествия, но и получить у жрецов тот максимум знаний, который им позволял усвоить их собственный уровень развития. Такой способ передачи древних знаний был тогда придуман потомками атлантов вместо жёсткой колонизации, принесшей, в итоге, как они полагали, всеобщую гибель. Да и сил у египтян было уже маловато, чтобы распространять цивилизацию прежним способом. Хотя есть признаки того, что египетские жрецы в благоприятные для этого периоды посылали во многие известные им по довоенной географии страны Европы и Азии свои миссии с просветительской целью. А в Америку, надо заметить это, плыть на ладье по бурным водам было далеко и опасно. И неизвестно было – что там ждёт миссионеров, и можно ли будет им вернуться назад...

Учитывая то, что носителей высших знаний становилось в Египте всё меньше и меньше, слишком большим оказывался для них риск отправиться в такую даль. Вот и сохранилась в этой дали такая престранная смесь из признаков былой очень древней высокой культуры и бросающегося в глаза примитивного быта, несколько осложнённого горячей верой индейцев в прямое руководство с небес, получаемое ими от своих богов – как им казалось – в обмен на кровавый ритуал жертвоприношений, повторяющихся до наступления явлений природы, которые их шаманами могли бы быть истолкованы как знамения, дающие им прямые указания к нужному в этот момент действию.

Ничего похожего на эту культуру мы не наблюдаем на других континентах, даже в наиболее удалённых от Египта странах, с которыми – хоть и реже, чем с ближними соседями, – но контактировали всё же просветительские экспедиции египтян. Как, скажем, происходило в Индии, где фараон Рамзес, пославший туда образовательную миссию, объединился через несколько тысяч лет в одной молитве с Христом: «Харе, Кришна! Харе, Рама!» Произошло это, конечно, уже после появления в Индии монахов-христиан, труды которых – увы! – закрепились там лишь в легендах, несколько изменивших на свой лад смысл христианства и преобразивших в сознании местных жителей деву Марию и Христа в девушку Деваки и бога Кришну.

Образовательные миссии египтян в Китае и Индии можно смело назвать одними из самых удачных их экспедиций, в результате которых были созданы очень мощные и быстро развивавшиеся восточные государства, распространявшие, в свою очередь – но не бескорыстно, как египтяне, – воспринятые ими знания и культуру на прилегавших к их странам террито-

риях. И не только ближних, но и достаточно дальних, как, например, в случае захвата племенем кельтов острова Британия. Почему же не сделали этого греки или египтяне раньше?

Нам известно, что в те давние времена – времена экспансии кельтов – грекам приходилось больше думать об обороне своих земель, чем о захвате чужих; а в более поздние времена, когда грекам удалось создать очень сильную, мощную армию, Александра Македонского интересовал не захват новых территорий, а сокровища более развитых и богатых стран, по которым и прошёл он своим изумительным, но печально закончившимся походом. Египтяне же интересовали только те страны, в которых сохранились после войны прослойки людей, способных воспринять и развить принесённые ими туда знания. Осуществлять же прямое руководство просвещёнными ими странами, устанавливая там свою власть, они – имея массу проблем внутри своей страны, а также с ближними своими соседями – никак не могли, да и не это ставили они своей целью.

Но в Индии их «инъекция» знаний дала в те давние времена, по-видимому, настолько блестящий результат, что население её, размножившись благодаря значительно выросшему уровню жизни, было вынуждено покинуть родину и отправляться на поиски новых земель. Именно эти прижившиеся на пустовавших или населённых дикарями землях Европы племена Индии стали относить историки к индоевропейской группе народов. И нам надо хорошо представлять себе и то, что периоды бурного расцвета этих древних племён могли сменять печальные времена упадка, стагнации, а то и полной их гибели или растворения в других народах.

Пришла пора нам определиться, наконец, с датами исторических событий, которыми я, как вы уже заметили, не злоупотребляю, и лишь одна из которых пока совпала с известной датой, озвученной Платоном. Ведь мы вот только что уточнили, что двенадцать тысяч лет назад произошла гибель Атлантиды, но гибель Атлантиды №2, а вернее – нескольких названных так по старой памяти государств сразу, что и объясняет расхождения у древних учёных, возникшие в определении её местоположения. Эти расхождения становятся тем более хорошо объяснимыми, что учёные эти и о «вторых»-то располагали лишь слухами вместо сведений, а о «первой» – и вовсе не подозревали.

Конечно, начиная говорить о датах, первым делом надо вспомнить о том, сколько длился пермский период или мезозойская эра и сколько времени ушло, вообще, на создание Солнечной системы и зарождение жизни на Земле. Слов нет, эти совершенно грандиозные даты выглядят для нас абстрактно, но всё это – точно определённые наукой сроки. И говорят они нам явственно, что Всевышний оперирует ими так же просто, как мы назначаем сроки постройки дома или иных сооружений. Я думаю, правда, что у Создателя они определены поточнее, чем наши приблизительные «миллиончик туда – миллиончик сюда»; но если Он оперирует сроками в миллиарды лет, то наши двадцать тысяч лет – лишь миг.

А вот откуда я взял, что астронавты непосредственно занимались созданием человека разумного на Земле около 350 лет, и потом немногим более трёхсот лет атланты и гипербореицы прожили на своём острове, пребывая во взаимной вражде и неотвратимо приближая собственную гибель в ужасной катастрофе, – это мне придётся объяснять самому, и никто мне, как говорится, в этом не поможет.

Хотя я опираюсь на всем и очень давно – вернее сказать, сверхдавно – известную цифру. Её озвучил как знаменитое «число Зверя» Святой Иоанн Богослов в своём Откровении, которое принято считать мистическим предсказанием «скорого» конца света. Вполне понятно, что он посчитал текст, который попал к нему в руки, предсказанием очень скорого будущего; но нет никакого предопределения, и нет неизбежности гибели нашей цивилизации – ни по какому зову ангельских труб.

Святому Иоанну Богослову, скорее всего, попала в руки поэма атланта или гипербореица, пережившего атомную войну и отображавшего все ужасы этой катастрофы, случившейся при-

мерно за десять тысяч лет до того, как Св. Иоанн начал свой перевод. Легко понять, что он при этом столкнулся, как минимум, с четырьмя трудностями: первая – расшифровка древнего текста, написанного на языке, которым давным-давно никто и нигде не пользуется; вторая – восприятие сложной образности поэмы; третья – понимание тех обстоятельств жизни колонистов и уровня вооружения армий воюющих сторон, самой возможности которых древний мудрец и пророк просто не мог себе представить. Четвёртая трудность, а вернее – общий для всех древнееврейских толкователей текстов из Ковчега Завета – неправильный подход к переводу вызывавших у них благоговение древнейших текстов, который заключался в том, что они рассматривали каждый текст как божественное указание, предупреждение свыше или универсальную мудрость, обеспечивающую власть и могущество, будучи твёрдо уверенными в том, что знания атлантам давали боги, называвшие себя титанами.

И так как эта полная их уверенность происходила из пришедшего к ним из глубин тысячелетий знания о том, что атланты, научившись всему у титанов, сделались настолько могущественными, что их возможности граничили с не выразимым обычными словами чудом, то и искали они в текстах то, чего в интересующем их виде найти было там невозможно. И хотя не могли среди прочих не попадаться им научные тексты по математике, физике, химии, биологии и другим отраслям науки – но разве были они способны в то время в них разобраться и понять наверняка вызывавшие у них особый интерес формулы иначе, чем некие магические знаки, обеспечивающие их владельцу – если знает он, как управлять их магией, – полный контроль над сверхъестественной силой? Будем же справедливы и заметим тут и то, что человечеству давали импульсы к развитию не какие-то иные – а только эти написанные древними евреями тексты, пусть и содержали переводы первоисточника досадные ошибки, пропуски и неточности.

Неизвестный автор поэмы, на глазах которого разворачивалась вся жуткая картина ядерной войны, не мог не расценить произошедшее тогда как страшнейшее из преступлений, совершённое полностью озверелыми людьми. Поэтому по небу в его поэме летают драконы с легко угадываемым – аналогичным применяемому в современной авиации – вооружением, а из моря выходят звери, напоминающие то десантный корабль, то подводную лодку, вооружённую торпедами и ракетами. Саранча же, символизируя несметное количество угроз, изображает собой то смертельную радиацию, мучающую людей пять месяцев, то до зубов вооружённые войска, то бронетанковую технику, грохочущую, как множество колесниц озверелых варваров. Падающие время от времени с небес под трубные звуки (вой бомб?) звёзды, уничтожающие треть за треть всё живое и отравляющие воду в реках, – суть атомные бомбы или ракеты с ядерными боеголовками.

Картину страшных зверств и тотального уничтожения, наполняя души читателей леденящим ужасом, дополняет знаменитое и таинственное мистическое «число Зверя». Число 666, по-видимому, нанесённое на тела сподвижников «Зверя». Во все времена никто не мог объяснить, откуда взялась эта цифра, что она значит? Так вот, мне кажется, что вызывавшая всегда массу споров и предположений цифра на самом деле является сроком существования первой цивилизации – от зарождения её и до ужасной гибели; именно поэтому цифра эта тогда и настраивала на крайнюю ненависть обе стороны в одинаковой степени. А ведь вину за произошедшие на Атлантиде события естественно было бы поделить между собой, покаяться и зажить в мире и согласии; но нет – вместо этого толпы возбуждённых молодчиков (точно таких же, каких мы видим сейчас) носились по улицам и заставляли наносить «число мести» на свои тела тех, кто сохранял ещё благоразумие.

И вот зверское чувство мести – которое, как нам хорошо известно из жизненного опыта, легко и полностью затмевает разум, мгновенно уничтожает мораль человека и парализует связь ума с душой, – в трагический момент наибольшего накала, вспыхнув, как горькая «звезда полын», превратило в ничто вторую земную цивилизацию. Это и было названо автором поэмы

вторым приходом Зверя. Потому что он – бесспорно – был прекрасно осведомлён о первом его появлении на острове Атлантида.

Конечно, некоторая часть текста по вполне понятным причинам не поддавалась переводу вовсе, а то, что удалось всё-таки перевести, Св. Иоанн Богослов не мог представить себе как события, произошедшие десять тысяч лет тому назад, потому что ни в шумерских, ни в ассирийских, ни в еврейских, ни в вавилонских, ни в египетских, ни в греческих, ни в эфиопских и так далее текстах ничего подобного не описывалось, кроме битвы богов друг с другом либо с титанами, что в этот переводимый текст никак нельзя было включить. Но при этом описанная в поэме битва выглядела настолько реальной, а не фантастичной, что невозможно было не отнести её к сфере непостижимых для нас мудрости и всеведения богов, спешащих предупредить человечество.

Поэтому, учитывая известную его тягу к предсказаниям, Св. Иоанн не мог интерпретировать эту поэму иначе как пророчество о страшных событиях, которые должны уже «вскоре», учитывая неоспоримую древность этого текста, произойти. Конечно, Св. Иоанн дополнил переводимый им текст там, где не мог его даже приблизительно истолковать, своими, присущими его времени реалиями и символами в виде «семи голов» и «десяти рогов», «двух маслин», «свечей» и т. д., осовременивая его и таким образом создавая уже своё собственное «откровение». Значение которого как единственного описания того страшного события для нас столь велико, что моими комментариями его нельзя ни поколебать, ни поставить под сомнение. Нам надо всегда помнить, что – на том уровне знания – древние пророки делали всё, чтобы вдохнуть в людей веру в Бога и укрепить её в них, и быть им глубоко благодарными за это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.